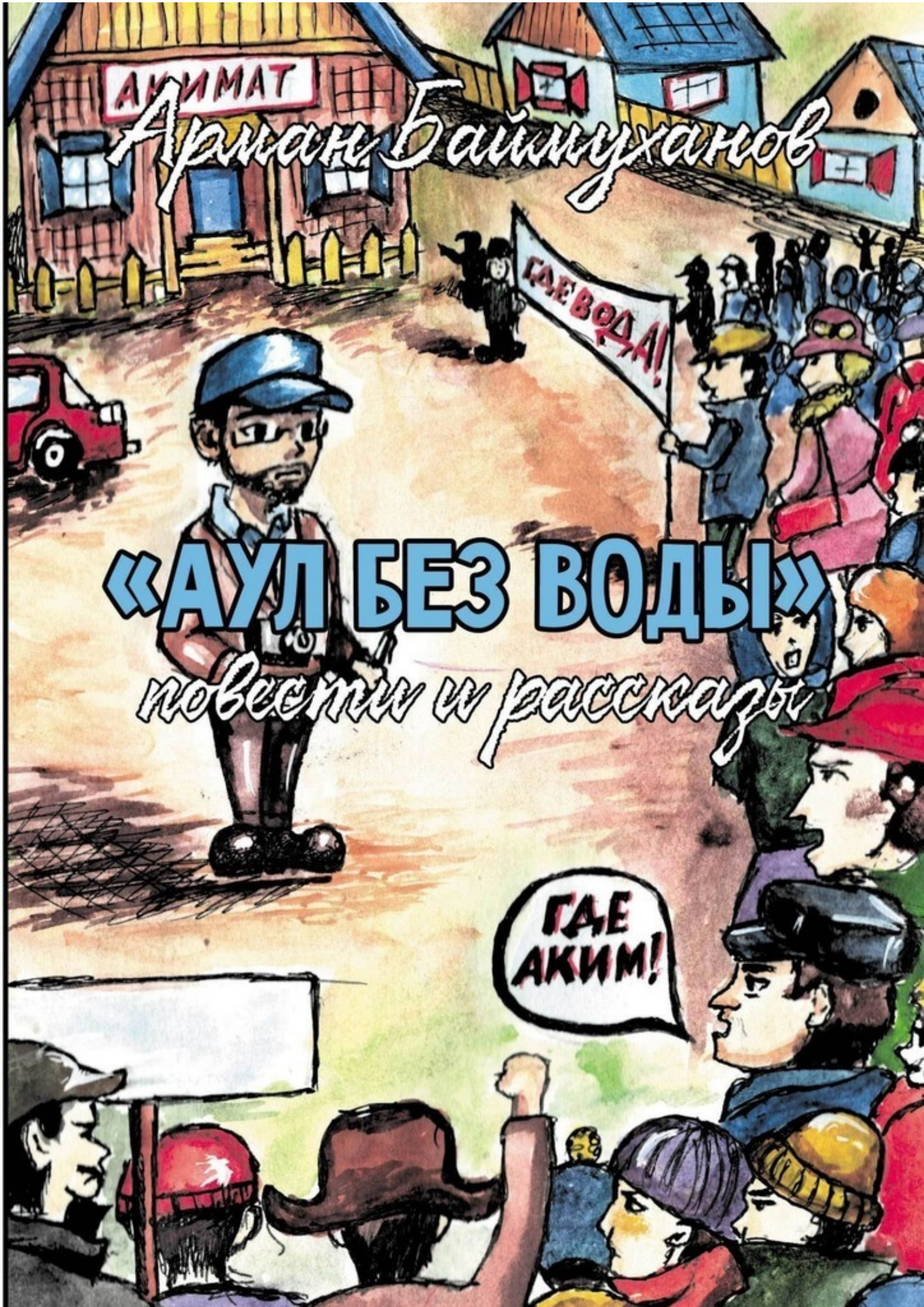

Арман Баймуханов

«АУЛ БЕЗ ВОДЫ»

повести и рассказы

Арман Баймуханов

Аул без воды. Повести и рассказы

«Издательские решения»

Баймуханов А.

Аул без воды. Повести и рассказы / А. Баймуханов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506259-8

Сборник состоит из трех циклов, первый из которых называется «Городские рассказы». Второй составлен из профессионального опыта автора и называется «Журналистские истории». Третий — из музыкальной жизни и объединен под названием «Угарные истории». Все истории в сборнике основаны на реальных событиях. Каждая из них имеет свидетелей и очевидцев и потому не приукрашает и не умаляет случая, имевшего место в жизни.

ISBN 978-5-00-506259-8

© Баймуханов А.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОДСКИЕ РАССКАЗЫ	6
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЖУРНАЛИСТСКИЕ ИСТОРИИ	10
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. УГАРНЫЕ ИСТОРИИ	22
1. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	38
Глава 1. Переезд	39
Глава 2. Город	41
Глава 3. «Бригадир»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Аул без воды

Повести и рассказы

Арман Баймуханов

© Арман Баймуханов, 2019

ISBN 978-5-0050-6259-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник состоит из трех циклов, первый из которых называется «Городские рассказы». Второй составлен из профессионального опыта автора и называется «Журналистские истории». Третий – из музыкальной жизни и объединен под названием «Угарные истории». Все истории в сборнике основаны на реальных событиях. Каждая из них имеет свидетелей и очевидцев и потому не приукрашает и не умаляет случая, имевшего место в жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОДСКИЕ РАССКАЗЫ

Цикл «Городские рассказы» описывает, преимущественно, жизнь города Алматы. Он повествует о социально уязвимых слоях казахстанского общества, описывает чиновничью безалаберность и повсеместный бардак. По рассказам из этого цикла, читатель может составить картину о жизни в крупнейшем мегаполисе Казахстана во втором десятилетии двадцать первого века.

«Мышка»

Под одной из арок одного из многочисленных алматинских дворов вела торговлю овощами овощница, по имени Гуля. Была она приезжей на заработки из Киргизии, ростом невысокого, характером – спокойной. Слегка словно растерянной и всегда немного уставшей. И если кто-либо грубил ей, то Гуля не отвечала резкостями.

За овощами к ней в большинстве ходили со двора, в который вела арка. Двор тот был почти в центре города, оттого жили в нем люди избалованные и часто любившие указать на свое благородное, с их точки зрения, происхождение. «Я алматинец в десятом поколении», – нередко звучало с тамошней лавочки.

– Гуля! – часто спрашивали они овощницу, – а помидорчики наши?

– Наши, – кивала та.

– А картошечка местная?

– Местная, Талдыкурганская.

Конечно, картофель и вовсе был не из соседнего Талдыкоргана, а из Киргизии, откуда была родом Гуля. Но говорила она неправду не из корысти, а потому что считала, что картошка – она и в Африке картошка.

Дворчанам она виделась мышкой. Потому, что уж очень сильно ее лавка напоминала им мышиную норку. Была она маленькой и целиком умещалась в углу арки.

– Гуля, ты меня слышишь? Гуля, дай мне слив...

И хотя сливы лежали в ближайшем ящике, и ничто не мешало их набрать самому, продавщица бросала пакет, в который уже сыпала другому покупателю черешню, и бралась за сливы.

– Гуля, а черешня? – доносилось с другой стороны.

И овощница бросалась назад к черешне. И дворчане, изощренные жизнью большого города, потешались над ее простотой.

Как-то к будке подошел парень. Не со двора. Потому что прежде тут его не было.

– У вас есть картофель? – спросил он овощницу.

Гуля его слышала. Но решила сначала отпустить пожилую особу, которая жила во дворе – уж очень та была вредной.

Парень ждал в вежливом молчании.

– Извините, у вас есть картофель? – повторил он, когда продавщица закончила с дамой.

Но как назло к лотку подошла другая не менее вредная дама. Она тоже была со двора.

– Гуля, дай мне яблок!

Гуле понравилась вежливость молодого человека. Было видно, что он добрый. А вот пенсионерка была не такой. И потому овощница решила отодвинуть молодого человека в очереди еще раз.

– А яблоки-то селитрой не прысканные? – вдруг выдал парень.

У овощницы перехватило дыхание. Дворчане были чрезмерно привередливы и при них такого говорить было нельзя.

– Гуля, ты травмишь нас? – забрызжала алматинка.

«Мышка» замахала руками:

– Нет, что вы – нет. Это местные яблоки, местные!

– Эх, вот дорогие, наверное? – продолжал парень сверкать искрами в глазах.

– Гуля, ты меня разорешь!

– Это дешевые, дешевые! – замахала «мышка» руками. И принялась отсчитывать сдачу.

– Кажется, десять тенге недодали!

– Гуля, – прочеканила алматинка – я больше не приду!

«Ах!», – подумала в сердцах Гуля, когда парень ушел – «Как же отомстил». Но эмоции вскоре в ней улеглись. И неожиданно все сильнее и сильнее она стала ощущать в себе чувство, которого давно уже не было. Во мгновение, когда капризная дворчанка услышала о том, что Гуля ей недодала сдачу, овощница вдруг ощутила уверенность. Она почувствовала себя человеком, который имеет право на ошибку – и яблок случайно недовешать, и в сдаче ошибиться. А не серой и бесправной мышкой!

Через неделю овощную лавку закрыли. Потому что мэрия решила, что овощи должны продаваться в красивых и больших супермаркетах. Как это принято во всех городах, население которых составляют люди высокой культуры.

Багда

В одной из квартир, одного небольшого казахстанского городка жила женщина, по имени Багда. Говорят, что это имя с персидского переводится как «дар Бога». Другие источники утверждают, что оно имеет тюркские корни, и означает «лучезарная». К сожалению, точно установить, какой из вариантов наиболее правильный, нет возможности. Потому остается только признать, что имя это – очень красивое.

У Багды была дочь. И звали ее так же, как и мать – тоже Багдой. Когда я об этом узнал, то стало меня разъедать любопытство, отчего же дочь зовут также, как и мать. Спросить об этом было неудобно. Но в один прекрасный день, я подловил Багду в хорошем настроении и сказал:

– Багда, а почему вашу дочь зовут также, как и вас – Багдой? Вам что, так нравится это имя?

На что она ответила:

– Да какой там... Это когда я ее родила, пошли с мужем оформлять документы. А сотрудник в паспортном столе спросил меня: «имя?». И я подумала, что он спрашивает как меня зовут. И сказала: «Багда». А он, оказывается, спросил имя дочки. И написал «Багда».

Признаться, я не сразу осознал смысл сказанного. Не сразу в моей голове уложилась степень безалаберности сотрудника паспортного стола.

– Хоть бы с расстановкой и интонацией спросил! – воскликнула в сердцах Багда.

Дикий маршрут

В 2010-х годах Алматы продолжал оставаться самым крупным городом Казахстана. По цифрам комитета статистики в нем проживало почти два миллиона человек, ну а реально – все четыре. В мегаполис съезжались мигранты не только со всей республики, но и со всей Центральной Азии. Чаще всего – в поисках работы.

Среди них были и те, кто устраивался работать водителями и кондукторами городских автобусов. В народе их прозвали автобусниками. Чаще всего это были мужчины из провинциальной глубинки, серой и глухой. Потому они были необразованны и малокультурны: не уважали пассажиров, ни стариков, ни детей, матерились на весь салон и запугали едва ли не весь город. Население Алматы хотя и состояло из приезжих, но все же было более-менее культурным в сравнении с ними.

И вот мчался маршрутный автобус по главной улице, а из его салона орала музыка. И была она в манере безумного действия – полного хаоса, который есть в безудержных пляс-

ках на казахских празднествах – тоях. Тема тоев – это отдельная тема. Потому что дух их носил яркую неумеренность и чрезмерную расточительность. Отношение населения к ним было совершенно отрицательным, потому что они ассоциировались у людей с непомерным эгоизмом. Танцы этих тоев не имели никакого стиля. Единственно, что задавало в них хоть какой-то порядок – это барабаны. «Дыц-дыц-дыц», – задавали они ритм. И в каждой песне он был одинаков, поскольку все мелодии сочинялись под тои.

«Семидесятилетний пассажир выпал из автобуса», – писала местная газета. «Автобус на полном ходу врезался в столб», – было в другой. «Пьяный водитель автобуса сбил насмерть пешехода». И тому подобное...

Любимым развлечением автобусников были гонки на скорость. Часто можно было наблюдать, как два автобуса неслись по улице, и лица пассажиров в них, преполненные ужаса. Может быть в тот момент водители думали, что они несутся в байге на скакунах...

Безумие в общественном транспорте не имело границ!

Оно было таких масштабов, что среди населения проблема стала восприниматься так же, как проблема экологии или бомжей. Грязной воды или сейсмоопасности. Проблема автобусников превратилась в социальную – в ту, что касалась каждого. Бардак творился невероятный. И власти не обращали на него никакого внимания.

Как-то я возвращался автобусом домой с работы. В салоне из дырявого динамика тарыхтела музыка. К двери подошла женщина лет сорока, чтобы выйти на близившейся остановке. Но водитель проехал мимо.

– Почему проехали? – спросила женщина.

Автобус проехал потому, что водитель пошел на обгон легковушки и вылез на вторую полосу. А когда доехал до остановки, то не успел перестроиться назад. По правилам он не должен был выезжать за пределы своей полосы. И теперь допустив оплошность, понадеялся, что может быть пассажирка окажется робкой. Промолчит и не скажет ни слова. Но она оказалась не из робких.

– Ой! – заворчал водитель, – Что раньше не сказала?

– Я подошла к двери!

– К двери, к двери, – И внезапно дав по тормозам, приказал: – На, выходи!

Дверь открылась и за ней показался гудящий поток автомобилей. Автобус стоял на второй полосе, в то время как на первой – той, что была скраю, неслись машины. Женщина не вышла из страха быть сбитой.

– Остановите на остановке, – потребовала она, – так установлено по правилам!

Сказала она так чтобы не выдать истинной причины – своего страха. И продолжала вести себя смело.

Но водитель не тронулся. И вдруг к женщине подскочил кондуктор и стал выпихивать ее наружу. Пассажирка упиралась, слышался треск разрываемой одежды. И когда у нее не стало хватать сил, она вскричала:

– Люди, помогите! Ну, вы же видите... Почему вы молчите?!

К изумлению, ни один из пассажиров, коих в салоне было около тридцати, не шелохнулся. И более того – каждый отвернулся к окну. Будто его тут нет. Осознание того, что двое несчастных аульских автобусников испугали весь салон, ошеломила меня.

Тем временем пассажирка выставила перед собой мобильный телефон и вскричала:

– Я вызову полицию!

Контролер услышав о полиции, замешкался. И в то мгновение я соскочил с места:

– Вызывайте, я журналист!

Почувствовав поддержку, та воспрянула духом и обрушилась с ругательствами на контролера. Он же почуяв серьезное, отступил к водительскому месту. И женщина, увлекшись за ним, выхватила огнетушитель и швырнула его в лобовое стекло.

Дело приняло острый оборот.

Видать пассажирка перенервничала и теперь эмоции хлынули наружу.

Треск разбитого стекла вогнал автобусников в ступор. Теперь уже точно было понятно, что без административных разборок не обойдется.

Автобус тронулся с места. Водитель, будучи хоть и необразованным но достаточно хитрым, смекнул, что большинство пассажиров разойдутся на ближайшей остановке. И не ошибся. Большая часть из них исчезла через десять минут, несмотря ни на какие мои уговоры быть свидетелями. На следующей остановке салон опустел полностью. Оставались в нем я да пассажирка. И хотя по правилам в случае чрезвычайного происшествия автобус должен был оставаться на месте, водитель вел его на конечную. Из мысли, что там его поддержат коллеги – такие же автобусники, как и он.

Примерно через час автобус оказался на конечной. Услышав, что в происшествии замешена пресса, диспетчер полиции направила целую опергруппу. И когда полицейские прибыли, я им рассказал что да как. Долго объяснять не пришлось – проблема с автобусниками была не нова. Потому патрульные даже и не стали слушать ни водителя, ни кондуктора. А коллеги их хоть и очень хотели, но так и не смогли ничем помочь.

Через две недели пассажирка рассказала мне, что подала на обоих автобусников жалобу в полицию. Водителя автобуса уволили и оштрафовали, а кондуктора арестовали за избиение.

Но это был один из множества случаев. Проблема была просто массовой. Большинство пассажиров предпочитали молчать, не желая ни скандалов, ни судебных тяжб.

«Пассажирский автобус сгорел в центре города», «Водители автобуса подрались посреди дороги», «Автобус с пассажирами столкнулся с легковушкой», – пестрили заголовки изданий.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЖУРНАЛИСТСКИЕ ИСТОРИИ

Бюджетный раут

По ходу работы в прессе довелось мне побыть экономическим корреспондентом, этот вид журналистики отличается тем, что нужно ориентироваться в рынках, экономике, в данных статистики, понимать финансовые отчеты и прочую информацию, которая так или иначе касается денег. Часто экономические журналисты посещают бизнес-форумы, саммиты, конференции на которых, как правило, собирается весь цвет бизнес-сообщества.

И вот как-то раз в одном из фешенебельных алматинских отелей проводилось очередное экономическое мероприятие – не то форум, не то саммит, а его организатором выступало одно из министерств Казахстана. Масштаб конференции был настолько велик, что на нее, по приглашению, прибыл даже самый богатый инвестор того времени – Уоррен Баффет.

Часто бывает так, что форумы длятся по несколько дней. Поэтому в их графике для участников предусмотрен обед, который, как правило, подается в том же самом отеле.

И вот собственно, шел форум, до обеда оставалось несколько минут. Я брал интервью у одного известного бизнесмена и отстал от коллег. Обед же проводился в соседнем зале. Потолки его были высокими, а у их основания висели громадные люстры, переливавшиеся всеми цветами радуги. И казалось, что вот еще немного и на середину зала выскочат акробаты и танцоры и обеденный перерыв превратится в пышный бал. Так казалось оттого, что зал слепил своим убранством.

Достопочтенная публика трапезничала за широкими, массивными столами, покрытыми белоснежными скатертями, вокруг коих стояли стулья в таких же белоснежных накидках.

Припозднившись, я с порога зашел к коллегам и направился к их столу, у которого оставался последний незанятый стул. Подходя к нему, вдруг заметил молодого человека. Он был одет в добротный костюм, на рукавах которого красовались яркие запонки, а на галстук была красивая булавка. Молодой человек взялся за стул и я решил, что это, видимо какой-то бизнесмен, участник форума и, что ему не хватило стула.

– Пожалуйста, пожалуйста, – захотел я ему уступить. Мол, берите, не жалко.

Тот же вежливо отказался и предложил мне сесть. Я решил не спорить, поскольку стул и так оставался последний. И только было потянулся к красиво сложенной салфетке на столе, как вдруг парень этот тоже взялся за нее. Я немного оторопел, потому что подумал, что раз салфетка лежала напротив того стула, на который я сел, то это означало, что она моя.

– Эм, извините... – начал я. Но тот меня перебил.

– Но, я тоже хотел! – сказал он.

Я подумал, что спорить за салфетку в таком красивом месте будет очень некрасиво. Оттого вежливо ее уступил и тут же переключился на коллегу, который сидел рядом со мной. Я хотел поговорить с ним об одной вещи по работе, как вдруг понял, что молодой бизнесмен пытается постелить мне салфетку на колени.

От неожиданности я чуть не подскочил, а тот мне учтиво улыбнулся. И только тут до меня дошло, что это был не бизнесмен, а – официант!

С этого момента я невольно пригляделся к сервировке и меню, которое пестрело изысканными блюдами. И в мою голову закралось непонимание того, зачем было нужно тратить бюджетные деньги на все эти излишества. Наверняка все это было очень дорого. Уровень форума был настолько высок, что официанта запросто можно было спутать с одним из бизнесменов, которые в немалом количестве пришли на форум, чтобы послушать о конъюнктуре на рынках.

Весь обед меня разбирало желание поинтересоваться у гарсона об уровне его гонорара. Тот же работал очень высококлассно. Его фигура возникала как будто из ниоткуда, предугады-

вая каждое желание гостя. Опытное обслуживание официанта дарило сидевшим вокруг стола поистине хороший отдых и наслаждение трапезой.

Общественность Казахстана неоднократно подвергала критике пышность и помпезность проводимых за бюджетный счет саммитов, форумов, конференций и прочих подобных мероприятий. Перцу в дело прибавляло то, что их характер больше носил имиджевый окрас, чем был направлен на пользу. Несмотря на осуждение, дорогие форумы и саммиты за народные деньги продолжают иметь место в Казахстане и по сей день.

«Алматинский стрелок»

В июле 2016 года в Алматы (Алма-Ата, Казахстан) террорист Руслан Кулекбаев, позже получивший прозвище «Алматинский стрелок», устроил акцию возмездия полицейским. В тот день он убил четырех человек и ранил восьмерых. Кулекбаев позже пояснил, что мстил полицейским и судьям за якобы несправедливый тюремный срок, который он отбыл. Власти его деяние назвали терактом.

Но всё это стало известно позже. А в момент теракта ничего не было понятно. В тот день я только вышел из отпуска. С утра в редакцию влетела генеральный директор информационного агентства, в котором я работал корреспондентом, и с пылу с жару рассказала, что где-то в городе стреляли и, что, мол, надо съездить на место и всё выяснить. Ну и конечно, передать информацию по телефону в офис. Разные виды прессы имеют разную спецификацию. Например, гляцевые журналы больше пишут про гламур, интернет-издания – новости, телевидение показывает шоу, радио крутит музыку. Информационное агентство же заточено под высокую скорость. Сообщения оно передает с молниеносной скоростью. Оттого работа в нем подразумевает оперативность.

При информагентстве работал водитель Павел. Водители числятся в штате многих средств массовой информации. Работа их в том, что они возят журналистов на пресс-конференции, на места чрезвычайных ситуаций, происшествий. Также они развозят разные документы: бухгалтерию, договоры, письма и прочее. В общем, самые обычные водители, как и во многих других компаниях.

Я побросал в рюкзак ручку, блокнот, зарядку от сотового, взял служебное удостоверение и мы с Пашей двинулись. Что именно случилось тогда еще известно не было. Отделы полиции по связям с общественностью, которые в таких случаях информируют прессу, ничего дельного сказать не могли. Вероятно они и сами еще толком ничего не знали. У нас был только адрес.

Приехали по нему. Посередине перекрестка стояла оцепленная полицией легковушка, изрешеченная пулями. Собиралась толпа зевак. Выскочив из машины я пробрался к оцеплению и спросил у лейтенанта:

– Что случилось?

– Убили военного, – оказался тот разговорчивым. Полицейские обычно с журналистами не словоохотливы.

Я попытался выудить побольше информации – сколько было стрелявших, зачем они стреляли, поймали ли их и так далее. И позвонив в офис рассказал всё, что сказал мне офицер. В редакции в свою очередь мне дали новые координаты. Оказалось, что инцидент продолжился в другом месте.

В момент когда всё это происходило, я не чувствовал страха, потому, что был увлечен работой. К тому времени я имел восьмилетний стаж журналиста. Как и в любой профессии, эта профессия имеет определенные алгоритмы. И в тот момент я четко следовал им, ни сколько не задумываясь о том, что мог и сам попасть под огонь.

Повторюсь, что тогда не было известно, что теракт учинил один человек. Ситуация была экстремальной. Казалось, будто действовала целая группа. Казахстан – это спокойная страна,

для неё подобные теракты нечто из ряда вон выходящее. И оттого происходящее казалось еще более неординарным.

Приехали по новому адресу, а там уже наши коллеги. Вокруг старенькой машины выстроились несколько видеокамер и шуплый, судя по всему – владелец авто, энергично жестикулируя, то и дело показывал на дырку от пули в задней двери.

– Я пришел с базара, сел в машину и подошел он, – говорил он в камеру, – Сказал мне: «Выходи», а потом выстрелил, – указал он на дырку, – Я вышел: «Брат, не надо. Брат, не стреляй!». А он развернулся и ушел вон туда...

Оказалось, я забыл взять диктофон. Выругался про себя и решил делать запись на айфон. В то время эти телефоны были на пике популярности. Надо еще отметить, что в цене они были недешевыми и служили чем-то вроде символа достаточности их владельца. Но я тот айфон сам лично не покупал, достался он мне в результате другой не менее интересной истории. Так вот, значит, подлетел я к остальным журналистам окружившим мужика, протянул к нему айфон и говорю:

– Расскажите, кто вы и чем занимаетесь?

– Я таксист, приехал на базар...

Рядом с моей рукой была видеокамера. Её оператор, видимо отснявший нужный ему видеоряд, решил сменить ракурс. И слишком энергично двинув камерой, ударил её штативом мне по руке. Айфон от этого вылетел, отколоштел от тротуара и шваркнулся аккурат меж решеток в канализацию. Айфон в то время штукой был дорогой! И вся журналистская братия окружившая таксиста, да и сам таксист – ахнули. Внимание всех с дырки от пули сместилось на упавшую в канализацию недешевую вещь.

Конечно, я тоже был ошарашен. Ведь на айфоне была диктофонная запись. Решетка канализации была железная, за давностью времени вросшая в раму. Таксист, видимо привыкший зарабатывать инициативой, позабыв о пробоине стал дёргать руками решётку. Но, уж куда там – чугунная клетка была как припаянная.

Всё это заняло секунды, за которые я оценил обстановку и бросив айфон, побежал к машине, чтобы с телефона Паши отзвониться в редакцию. В непредвиденной ситуации надо было быстро расставить приоритеты. В тот момент, работа для меня была важнее телефона. Таксист вслед мне крикнул:

– Брат, а как же айфон?

Я на бегу отмахнулся, мол, бог с ним. Мне казалось, его не достать.

Мало того, что ситуация была экстремальной, к ней прибавился еще один форс-мажор, прибавивший суматохи.

Потеря айфона, конечно, меня расстроила. Как-никак всё-таки ценный предмет. Немного я огорчился. Да и к тому же отзваниваться в редакцию теперь было не с чего.

В редакции нас проинструктировали направиться по третьему адресу, где террорист открыл огонь по полицейской машине. И там же его и задержали. На стрельбу выбежал охранник-полицейский, дежуривший на посту в здании напротив. Звали его Аян Галиев. Галиев вступил в перестрелку с террористом. И вышло так, что оба расстреливали друг друга в упор. Полицейский задержать террориста не смог, но нанес ему тяжелые ранения. Они обездвижили преступника и тот потерял сознание. Воспользовавшись этим на него надели наручники коллеги Галиева. А сам он скончался от ранений.

Теракт был отработан, террориста арестовали. Полиция разослала официальное заявление и вся суматоха и чувство хаоса прошли. Картина вырисовалась, правоохранители разъяснили, что исполнителем теракта был всего один человек.

День близился к концу. И я вместе с другими коллегами-журналистами дежурил у входа в больницу, куда привезли раненных. Надо было разузнать сколько их и насколько тяжелым было состояние их здоровья. Больница была оцеплена спецназом, а медработники строго про-

инструктированы не говорить журналистам ни слова. И нам не оставалось ничего, как ждать выхода к нам официальных лиц с заявлением для прессы.

Связь с редакцией я держал по телефону Паши. Время от времени я бегал между больницей и Пашей, чтобы разузнать, не было ли чего нового из редакции. И в одну из таких пробежек Павел мне сказал, что сестра выкупила мой телефон.

Оказалось, что таксист после того как ушли журналисты, взял монтировку, выломал решетку канализации и достал айфон. Затем позвонив моей сестре, контакт которой увидел в телефонной книге, он отдал ей телефон за вознаграждение.

Таким вот образом мой айфон вернулся ко мне к концу того суматошного дня.

Сестра мне рассказала, что родные пристально наблюдали за происходящим и что все они переживали за меня. Надо отметить, что отработали мы с Павлом тот случай совершенно без экипировки – на нас не было ни бронежилетов, ни жилеток с надписью «пресса», ничего другого.

В тот день мировые телеканалы «Си—эн—эн», «Би—би—си», «Евро Ньюс» и другие выходили в эфир с новостью о теракте в Казахстане со ссылкой на наше агентство. Оно первым в мире информировало о случившемся. Оказалось, мы с Павлом отставали от террориста всего на две минуты. Информация при этом была совершенно точной. И официальное заявление полиции позже оказалось один в один с тем, что вышло в наших новостях. Для информационного агентства это очень похвально. Потому, что правильно сориентироваться в экстриме всегда непросто.

Руслан Кулекбаев был приговорен к смертной казни с конфискацией имущества. В то время в Казахстане действовал мораторий на казнь, поэтому её исполнение было отложено. Полицейский Аян Галиев, который задержал террориста ценой собственной жизни, посмертно награжден за героизм.

Через неделю после теракта в редакции появился бронежилет.

Село без воды

Алматы (Алма-Ата, Казахстан) – это большой город. На 2015—й год официально проживающих в нём было 1,7 миллиона человек. Но, это цифры статистики, на самом деле жителей было гораздо больше.

Практически весь мегаполис состоит из приезжих из других городов, по большей части – молодёжи. Живут они в съёмных квартирах по три-четыре человека, потому что вместе легче оплачивать жильё. Но часто официально в квартире прописан только сам хозяин. Потому, что размер коммунального платежа зависит от числа зарегистрированных жильцов. И владельцу выгоднее, чтобы официально числилось как можно меньше людей, так как небольшая коммуналка повышает конкурентность квартиры.

И выходило, что вместо тех официальных 1,7 миллиона человек, реально в городе проживало все четыре миллиона, а то и больше. Тогда это была почти треть населения Казахстана. Каждый третий работал в Алматы – город кормит весь Казахстан.

Вокруг Алматы раскиданы небольшие городки и множество посёлков. Их жители также работают в большом городе. Жизнь при этом в мегаполисе от жизни рядом в поселке разительно отличается. И не только тем, что в селе нет «Макдональдсов» – часто в поселках, что находятся всего в паре десятков километров от Алматы, не бывает воды и электричества. Этот контраст между цивилизацией в мегаполисе и упадком в деревне выглядит ошеломительно.

Однажды в редакцию газеты, в которой я работал, обратились с жалобой жители одного из таких сёл. В ауле вот уже два года не было воды. Сельчане обращались с жалобой и в местную администрацию, и в полицию, и в прокуратуру, но эффекта не было никакого. И тогда люди с последней надеждой решили обратиться за помощью к журналистам. Они надеялись, что может быть, будут услышаны властями хотя бы со страниц прессы.

Для меня такие случаи не были чем-то новым. В то время подобное происходило повсеместно. Госорганы и органы правопорядка насквозь прогнили коррупцией. И часто люди в поисках справедливости обращались в прессу как в последнюю инстанцию.

Как называется село, о котором идет речь, за давностью времени уже не помню. Но к назначенному времени я в него отправился, поскольку его жители в тот день решили провести нечто вроде митинга, чтобы высказать акиму (главе администрации), всё, что они и о нём думали. И, конечно, чтоб потребовать немедленно подать им воду.

Краны села уже долгое время были сухими словно в Сахаре – ни постирать, ни помыться, ни еды сварить. Сельчане были в отчаянии. А всего в двадцати километрах от них гудел потоком машин и горел ночными огнями громадный мегаполис – символ современной цивилизации.

Наверное, такой расклад жителей села удручал и, может быть, даже казался несправедливым, потому, что в своих лишениях роскошь большого города казалась им циничной расточительностью. И вот в назначенное время все было готово. Около пятисот человек – преимущественно мужчины, собрались на главной улице посёлка. В аул даже приехал журналист (то бишь я). Это случилось, может быть даже впервые за всё его существование. Событие для населенного пункта, без сомнений, из ряда вон выходящее.

Толпа была воодушевлена. Порыв был единым, а цель – безоговорочной: высказать всё без утайки в глаза самому акиму. Пусть, мол, он ответит, почему вот уже целых два года в ауле не было воды. А все сказанное, конечно, записал бы журналист и после написал бы статью в газете. И, конечно, её бы прочитали все. И все бы узнали, какой же страшный беспредел творился в деревне. И непременно тогда бы приехала проверка из большого города. И в маленьком селе снова бы из кранов заструилась вода.

Так казалось сельчанам.

Но, толпа собралась, а акима всё не было и не было. Не было его полчаса, не было и час. И тогда люди поняли, что их обманули. В очередной раз их нагло и бессовестно обвели вокруг пальца – аким обещал выслушать чаяния народа, но в который раз наплевал на тех, из чьих налогов получал зарплату.

И толпа, почувствовав себя ущемленной, взволновалась. С разных её концов понеслись возмущенные возгласы. Одни предлагали двинуться к администрации акима, что находилась в соседнем селе. Другие – встать живым щитом на автомобильной трассе, проходившей неподалеку и создать на ней пробку. И тут вдруг кто-то из присутствующих предложил взять в заложники приехавшего впервые в аул журналиста. И удерживать его до тех пор, пока не приедет аким.

Толпа обезумела!

Признаться, видя такой поворот событий, я не на шутку тухнул. Чёрт знает ведь, что взбрело в голову людям, которые в безумстве перепутали, что я наоборот приехал для того, чтобы помочь им. Ведь я сочувствовал им, а никак не пособничал главе администрации, который цинично проигнорировал их собрание. Но масса, движимая стадными чувствами, позабыла о разуме и руководствовалась уже только безрассудными инстинктами.

Хаос возникшей среди людей ошарашил меня. В мой адрес посыпались злобные выкрики. Я уже был готов пуститься наутёк, и, наверное, это спровоцировало бы еще более безрассудные последствия, как из толпы вынырнул мужик.

Раньше я его уже видел. Потому, что он приезжал на своей старенькой машине за мной в город. Сельчане хотели предоставить журналисту максимум удобств – ведь пресса была едва ли не последним лучиком надежды, что в их деревне снова будет вода. Поэтому, они попросили земляка привезти журналиста на своей машине – чтобы доставить представителю свободы слова максимум комфорта.

Мужик вынырнул из толпы, увлек меня под локоть и, будучи у всех на виду грозно закричал мне:

– А ну пошли! Я покажу тебе колонку, увидишь какая она сухая!

Далее он впихнул меня в машину, стоявшую тут же и уже в салоне, когда дверцы были захлопнуты, попросил извинения и пояснил, что увезёт меня в редакцию.

Увиденное, конечно, меня поразило. Впервые я увидел поведение толпы – и признаться, впоследствии мало что видел безрассуднее этого. И до сих пор не могу понять, как только людям могло взбрести в голову брать в заложники того, кто хотел им помочь.

По пути назад в редакцию, я попросил мужика свернуть к селу, где была администрация акима. Оказалось, что глава аула всё это время отсиживался в своем кабинете. Представителя прессы, он, конечно же принял. А после беседы с ним вышла большая статья о том, как циничный аким довел людей до полнейшего отчаяния.

Спустя время в ауле появилась вода.

Школьный «общак»

В пору, когда я работал газетным корреспондентом, приходилось мне сталкиваться с людьми совершенно разного рода. Это происходило потому, что газета как вид прессы больше ориентирована на освещение жизни социума. Например, глянцевики больше пишут про гламур, интернет-издания оперативные новости, телевидение показывает шоу, радио крутит музыку. Газеты же больше пишут о житейско-бытовом: пенсии, налоги, коррупция, водопровод... И именно на них приходится львиная доля освещения социальных проблем.

Как-то раз я вел журналистское расследование о криминале. Его целью было рассказать обществу о социальных проблемах, которые толкают граждан идти в бандиты. Большинство из бандитов люди с понятиями и в журналистах видят равнодушных любителей истины, потому относятся к ним с долей уважения. Ну и так как волей-неволей мне пришлось крутиться в этой сфере, то сдружился я с одним алматинским криминальным авторитетом. К сожалению, настоящего его имени по понятным причинам я назвать не могу. Условно скажем, что зовут его Арсен.

Я человек открытый, общительный. Разговор завести мне легко, тем более что и профессия подразумевает широкий словарный запас. Слово за слово – так и сдружились. И не как журналист и бандит, а просто как люди. И так вот вышло, что порой в погожий выходной вечерок заезжал я к Арсену в гости. Делал я это просто от скуки. Было лето и было жутко скучно. Потому, прикупал я в магазине чего горячительного и катил в гости к своему знакомому.

Арсен ростом под пару метров, всё тело в наколках. Было ему тогда лет сорок. В прошлом – боксер, кулаки размером с голову. Один раз даст – точно мозги вылетят. Лицо перекошенное, страшное, на улице такое увидишь – напугаешься.

История его такова, что с юности он занимался боксом. Занимался старательно, прилежно и быстро дошел до мастера спорта. Как он первый раз попал в поле зрения полиции – точно не знаю, но сам Арсен говорил, что, мол, его подставили. Что мол, совсем не хотел быть бандитом и что люди старше воспользовались его глупостью.

Первый раз Арсен сел в семнадцать. После первой ходки была вторая, за ней – третья. Из своих сорока он провел за решеткой более пятнадцати лет. Пребывание на свободе каждый раз было недолгим, один срок шел за другим.

Во дворе у Арсена стоял добротный топчан, и мы на нем говорили о разном. И вот сидели мы как-то под сенью летних звезд, а Арсен с гордостью мне показывал дневник своего пятнадцатилетнего сына. Нужно признать, школьный документ был сплошь усыпан пятёрками. И было весьма странным это прилежание в отпрыске отъявленного рецидивиста.

Сын Арсена лицом был кроток. Вел себя спокойно и воспитанно, а речь его была вежливой. Слова «пожалуйста» и «спасибо» перемежались у него чуть ли не в каждом предложении.

Если б я этого школьника встретил наулице, то в жизни б не сказал, что его папа – отпетый бандит.

– Видишь, какой сын у меня?! – с гордостью говорил мне Арсен. Вероятно, он был еще более горд тем, что перед ним был не кто-то, а журналист – все же человек активной гражданской позиции, представитель интеллигентной прослойки, а не той, к которой принадлежал Арсен.

– Эх, как они надоели в школе со своим ремонтом, – жаловался авторитет, – На шторы сдай, на краску сдай, на мел сдай, – сокрушался он, перелистывая дневник.

Не знаю точно как сейчас, а в те годы школы собирали с родителей деньги. Поясню, что большинство школ в Казахстане государственные. Поборы в них их администрация объясняла тем, что, мол, не хватало денег, выделяемых государством на покрытие нужд. По сути эти поборы были самым настоящим вымогательством, замаскированным под так называемые классные фонды. Механизм этих фондов строился якобы на добровольной основе – что это, мол, не школа требовала деньги с родителей, а родители сами, якобы, добровольно и из желания, чтоб их дети учились в опрятных классах, сдавали деньги.

А мол, того, что давало государство, родителям было мало!

Вымогательством это было потому, что если родители школьника не сдавали деньги, то на него организовывалась травля. Ребенка унижали при его одноклассниках тем, что, мол, семья у него бедная – мама и папа не могут сдать деньги в школьный фонд. Успеваемость ученика педагогами искусственно занижалась – они ставили ему плохие оценки. И школьная жизнь ребенка превращалась в кошмар.

Но, самое главное – с этой проблемой ничего не могли поделать правоохранители. Потому, что с юридической стороны школами всё было выстроено «шито-крыто». А родители были настолько запуганы, что мало кто из них решался обращаться в полицию. Они думали, что лучше сдать деньги, чем подвергать скитаниям своё чадо – ведь обратиться они в полицию, то устроить ребенка в другую школу было бы крайне трудно.

Итак, стояла тёплая летняя ночь, по краям топчана вились спелые виноградные лозья. И известный криминальный авторитет, державший в страхе всю округу, жаловался журналисту на то, что школа вымогала с него деньги!

– Напиши об этом статью? – молил он. – Это же беспредел конкретный! – говорил Арсен, делая большие глаза.

Я был в шоке от того, что даже криминального авторитета принудили платить взносы в школу. И глядя на то как он листал дневник своего сына, думал, кто же больший бандит: человек передо мной с тремя ходками или законопослушный директор школы?

Власти Казахстана неоднократно объявляли школьные поборы незаконными, но они все равно продолжали – и, вероятно, и по сей день продолжают иметь место.

Через неделю Арсена взяли за разбойное нападение, слышал, что его приговорили к десяти годам лишения свободы.

С тех пор я больше его не видел.

Кроме этого случая

День близился к концу, на часах шел шестой час вечера. Редакция небольшой газеты, в которой я работал, расходилась после пяти. И мы оставались в офисе вдвоем с редактором. Был он мужиком взрослым, лет под шестьдесят. Мне же еще не было и двадцати пяти и потому, я любил послушать рассказы из его молодости или даже просто мужские жизненные советы.

Зазвонил телефон и я поднял трубку. Звонила женщина. Слабым голосом она стала жаловаться на то, что врачи не выписывают ей необходимых для лечения лекарств и просила приехать к ней корреспондента, так как она хотела пожаловаться на медиков в газету.

Признаться, мне под конец рабочего дня куда-либо ехать совсем не хотелось. За окном было лето, вечер обещал быть погожим, и оттого я с вялостью и неохотой рассказал редактору о том кто звонил и почему.

– Ну, съезди, – попросил тот с намёком, что мол, вряд ли что может быть серьёзного под вечер.

И я поехал по адресу. Вошел в подъезд, пробежал на нужный этаж. К моему удивлению, дверь в квартиру была приоткрыта.

– Есть кто? – заглянул я внутрь.

– Входите, – раздалось из дальней комнаты.

Неуверенно, я прошел на голос. В одной из комнат, в постели лежала пожилая женщина. Вид у неё был болезненным.

– Это я вам звонила. Хотела пожаловаться на то, что мне не хватает обезболивающего, которое выписывают врачи, – сказала она дрожащим голосом. И тут же ее слова прервались криком. – А-а-а, – закричала она.

Мне стало не по себе, потому как я понял, что вероятно, она была больна серьезно, раз её донимали такие боли.

– Давно вы больны, – начал я издалека.

Женщина мне рассказала, что болеет уже продолжительно. Оказалось у нее была последняя стадия рака. Услышав это, я оробел. Впервые перед собой я видел обреченного человека. Дух мой поник и я совершенно не знал, что делать.

Я спросил есть ли у неё дети и та ответила, что у неё есть сын, который жил в соседнем городе. Больная стала мне рассказывать о своей молодости, о своей жизни. В комнате на дверной ручке висела сумка синего цвета. Я сразу же узнал её. С такими сумками я видел социальных работников, которые ходили некоторое время назад по городу во время кампании по переписи населения. Проследив направление моего взгляда, женщина стала рассказывать, что работала почтальоном.

– Я была такая молодая, я была такая красивая, – говорила она о себе в прошедшем времени. От этих слов на моей голове встали дыбом волосы. Человек лежавший передо мной на кровати говорил о себе так, будто его уже не было.

– Я была такой харизматичной, такой сильной...

Когда видишь перед собой человека, смирившегося с тем, что ему скоро умирать, то понимаешь насколько тленен этот мир. Когда человек живет, он не понимает всей ценности того, что называется жизнью. Ну а когда же подходит тот самый момент, он начинает относиться к бытию иначе. Он начинает ценить всё то, что у него было! Каждое мгновение жизни, которую он прожил. Мне казалось, что женщина, видя себя в своем воображении, гордилась тем, какой она была. Гордилась своей внешностью, своим характером – гордилась всем своим существом. И смирились с тем, что того человека, которого она видела, больше уже не будет. Она размышляла о себе, как размышляет человек на границе между жизнью и смертью. Я понял, что когда близится тот самый час, человек считает все свои плюсы и минусы. И видит себя со стороны. И что в то мгновение главное для него – то, кем он был – хватало ли у него сил быть больше на стороне правды, чем кривды.

Всё это потрясло меня до глубины.

Её слова прерывались криками. Болезнь, вероятно, была уже в серьезной стадии и оттого женщину мучили приступы боли, от которых не спасало даже обезболивающее. Я был абсолютно подавлен и совсем не знал, что мне делать. Дослушав её рассказ, я засобирился.

– Не уходите, – тихо сказала она.

Но я не мог больше терпеть. Моя психика – и без того богатая на фантазию, и без того живая на воображение – была на грани. Она рисовала мне картины, от которых волосы шевелились на моей голове. То, что я видел было пределом для моего неравнодушия.

Я поднялся со стула.

– Не уходите, – повторила она.

Я вышел из комнаты, вышел из квартиры. Я ушёл. И был потрясен. Я видел живого человека, который относился к самому себе так, словно его уже не было.

На следующий день я позвонил сыну этой женщины. Представился и объяснил, что его мать жаловалась в газету о том, что ей не хватало лекарств.

– Правда ли это? – спросил я его.

Тот мне ответил, что все в порядке и что поводов для беспокойства нет – лекарств хватало. Прощаясь, я ему рекомендовал проводить больше времени с матерью.

За все случаи, когда люди обращались в прессу как в последнюю инстанцию в поисках правды, не было ни одного, чтобы я не сумел помочь.

Кроме этого.

Ведьмина «порча»

Разные бывают случаи в журналистике, бывает – ведешь расследование, бывает – хочет толпа тебя взять в заложники. А бывает и порчу ведьма наводит! Как-то раз жители одного из алматинских микрорайонов обратились в издание, где я работал, с открытым письмом в адрес администрации города, с требованием, чтоб в их микрорайоне закрыли офис колдуньи. Они пояснили, что некая ведунья сняла квартиру в их микрорайоне и в ней принимала клиентов. И все бы ничего, да только народу валило – тьма. Очередь на консультацию выстраивалась с четвертого этажа до конца подъезда.

Люди крестились, что в микрорайоне стала твориться чертовщина – стало больше, мол, бездомных кошек, по ночам слышался вой – да и вообще, короче – стеклась туда, как уверяли граждане, вся нечисть.

А участковый инспектор – совсем не реагировал на их жалобы. И уж явно его либо приворожили, либо сглазили: на жалобы офицер отвечал вяло, невнятно – вел себя, ну, вот точно, как ведут зомби и прочие, кто под чарами колдовства.

Так казалось обратившимся в редакцию.

И вот из-за этих страхов они и решили обратиться в прессу, с надеждой, что чертовщина, может быть, не берет журналистов. И так как я был в то время в редакции самым молодым, то участь на отработку этого редакционного случая пала меня. Остальные коллеги под разными предложениями братья за него отказались.

Поехали с фотографом по адресу. И по прибытию, и вправду: народу куча, я разглядывал посетителей, у кого-то украли, кто-то пришел гадать на любовь, кто-то на судьбу... Совершенно разные люди – пожилые, молодые, мужчины, женщины.

Двери офиса открыла ассистентка ведуньи и я едва не упал со смеху, поскольку была она мне знакома. Нет не близко, просто какое-то время проживала в том же подъезде, в котором жила наша семья. Квартира ее была как притон, потому что посещали ее всякие подозрительные личности. Бабки на лавочке судачили, что, мол, была она торговкой наркотиками. В общем, женщина мутная, да и к тому же – ну, клоун клоуном. Невооруженным глазом видно – мошенница еще та!

Посреди зала за столом со стеклянным шаром сидела ведунья. Была она одета в причудливые одежды. В комнате стоял плотный запах благовоний. Я объяснил колдунье, что мы из прессы, что приехали из-за обращения жильцов. И что согласно нашим канонам журналистики, мы должны были выслушать вторую сторону – чтоб заметка в газете была объективной и беспристрастной. Мол, вот такой у нас ритуал или обряд, или как это сказать, чтобы вам было понятно.

Та отвечала, что рассказывать ей о себе собственного нечего – мол, все вы видели сами. Назвала свои тарифы и уточнила, что делает и привороты и отвороты, и сглазы, и порчу, и проклятья – короче все, что входит в пакет услуг колдуньи.

Только вот она, мол, так и не поняла, зачем это мы пришли.

– Как зачем? – сказал я. – Мы журналисты – люди неравнодушные и с активной гражданской позицией. Вот, мол, напишем статью – и пояснил, что в Казахстане основанием для реакции полиции являются две вещи: письменное заявление истца и публикация в прессе. На что ассистентка колдуньи как бы между прочим буркнула, мол, зачем тебе это, паренек? Вот, мол, найдут порчу... Ля-ля-ля..

Я говорю, э, знаем мы ваши колдовские штучки! Сто лет назад дедушка Ленин развенчал всё...

На том наша беседа и кончилась.

Через пару дней вышел тираж газеты с заметкой о том, что бизнес частной целительницы (так лаконично я назвал ведунью) обеспокоил жильцов городского микрорайона. В материале содержался комментарий прокурора, который заверил о том, что проведет проверку.

Через неделю офис колдуньи закрыли.

А я продолжил жить своей жизнью. Утром на работу, вечером – с работы. Три раза в неделю – играть на гитаре в рок-группе, писать очередную книжку... Только вот через время что-то стали портиться отношения с девушкой, а потом мы и вовсе расстались. Да и с работой пошло что-то не то. Уволился я из газеты и стал работать в журнале. Еще через полгода ребята из рок-группы заявили, что хочется им отдохнуть от музыки. Собственно, и группа распалась.

Прошло с моей встречи с колдуньей два года и стал я думать... Казалось, что все валилось из рук. То ли сам я неправильно приоритеты расставлял, то ли и в самом деле... Тут я мысль обрывал, не хотелось мне признавать то, во что особо не верил.

Как-то на новом месте я отправился в командировку в Москву. И по случайности в одном из переходов большого города, встретился с той самой ассистенткой колдуньи. И как бы между прочим она пожаловалась, что целительница та оказалась редкостной лгуньей – мол, надула всех своих клиентов – не ведунья была вовсе. В этом ведь деле, мол, все тонко. Надо даром обладать особым, а у той, оказывается его и в помине не было.

Да еще и свою ассистентку обокрала на золото и деньги.

Я пожалел бывшей соседке удачи. После встречи с ней мне на душе стало легче. И я пообещал себе, что крайне серьезно подумаю о своем отношении к личной жизни. Чтобы быть серьезнее и тщательнее расставлять приоритеты в ней.

Я начальник, ты – дурак!

Иногда бывает, что при судебных спорах, люди не уверены в судебской справедливости и обращаются к журналистам. Чтобы пресса предала их случай огласке и судьи начали вести себя честно. В Казахстане среди чиновников сильно развито кумовство. И когда на кого-либо из госслужащих подают в суд, то судьи часто прикрывают их.

В 2010 году в Алматинской области произошел необычный случай – подчиненный подал в суд на акима. Наверное, это случилось впервые за всю историю независимого Казахстана. Аким означает глава села, города, района или области. То есть, то же самое что мэр или губернатор. В 2010-х годах многие акимы в Казахстане вели себя как царьки – занимались коррупцией и ничего толкового не делали для развития своего региона. Ярким примером можно привести Виктора Храпунова, который в 1997—2004 годах был акимом самого крупного города Казахстана – Алматы. За это время он нагребил целые миллиарды! Позже на него были заведено несколько уголовных дел, в том числе – интерполом. В 2008 году экс-чиновник бежал из Казахстана в Швейцарию, где, согласно рейтингу журнала «Bilan», стал одним из самых богатых граждан. Он и по сей день как ни в чем ни бывало продолжает пребывать в этой стране.

Масштабы распушенности акимов не имели границ!

Но, как уже было сказано, в 2010 году в Алматинской области, в небольшом городке – Иссыке произошел очень интересный случай – юрист местного акимата Жанкельды Барсаев подал в суд на своего начальника – Асхата Алмабекова, за то, что тот его уволил с работы. Как говорил Жанкельды, аким устроил на него гонения за то, что юрист не хотел ставить подписи в незаконных документах.

В начале 2010 года в Казахстане прошла компания по сокращению штата госслужащих. Кого именно увольнять – это оставалось решать акимам самим. Но в указе президента говорилось, что юристов увольнять запрещается. Однако Алмабеков, несмотря на запрет, все равно уволил Барсаева. Вероятно он решил, что юрист испугается спорить. И потому и поступил вопреки указу. Но подчиненный оказался с характером. И, недолго думая, подал в суд.

Иссык городок небольшой. И все чиновники не просто знают друг друга, а в отдельных случаях даже и являются родней. Поэтому, хотя по закону Барсаев и был прав, но судья рассматривавший дело, вынес решение в пользу акима. Видать судья, также как и аким решил, что Барсаев далеко не пойдет. Но уволенный, поняв что суд несправедлив, пошел в прессу. Где изучив обстоятельства дела, многие из журналистов пришли к выводу, что юрист действительно прав. И ряд изданий написал статьи о несправедливом суде.

Казалось бы дело должно было на этом и разрешиться. Решение суда пересмотрено и истории – конец. Но чиновничий аппарат оказался настолько прогнившим, что и второй суд постановил, что правда за обнаглевшим акимом.

После этого еще несколько газет написали статьи о несправедливом суде.

Наверное, тут уж точно судьям, позабывшим о скромности, стоило бы остановиться. Но и третий суд также вынес Асхату Алмабекову оправдание.

Незадача вся была в том, что рассказывая об истории уволенного Барсаева, тем самым газеты нагнетали в обществе протестные настроения. Между строк своих статей они говорили о том, что в стране нет справедливости, что чиновники давят простой народ, что у рядовых граждан нет защиты ни в судах, ни в полиции. Таким образом, сами того не желая, газеты будоражили в людях недовольство. Но на самом деле журналисты были ни при чем. Ведь они только рассказывали о том, что происходило реально. То есть, не лгали и не выдумывали. По идее во всем были виноваты нерадивые судьи, которые, видя широкую огласку, продолжали плодить беззаконие.

Три суда подряд, несмотря на помощь прессы юрист проиграл неспроста. Ходили слухи, что, якобы у того самого акима дядя был депутатом парламента Казахстана. И, что, мол, судьи совсем не хотели переходить ему дорогу. Поэтому-то они и вставали на сторону зарвавшегося акима. Мол, при поддержке не кого-то, а целого парламентария – не страшны ни пресса, ни юристы.

Жанкельды же тем временем, как он позже рассказывал, не спал ночами. Аким Асхату Алмабекову на то время едва исполнилось 30 лет. Пожилого юриста мучило задетое самолюбие: незадолго до увольнения у него был спор с молодым руководителем, в ходе которого тот обозвал его дураком.

Это Женкельды задело. Тем более, что это сказал ему человек годившийся в сыновья. Его оскорбила наглость Алмабекова и его уверенность в безнаказанности. Поэтому подчиненный во что бы то ни стало решил проучить потерявшего совесть руководителя.

Шли месяцы. Больше года Барсаев из одного суда подавал в другой. Больше года боролся за справедливость. И каждый судья вставал на сторону акима. И как бы ни был по закону прав Барсаев, и сколько бы ни писали об этом газеты, казалось, и в самом деле, при поддержке дяди-депутата все обвинения с чиновника были словно с гуся вода.

В итоге прения дошли до Верховного суда. Спустя год и три месяца, Барсаев стоял перед высшей инстанцией. Стоит отметить, что его дело рассматривалось не неделю, не месяц и даже не час, а всего лишь семь минут. Больше года Барсаев шел к этим нескольким минутам.

Позже он вспоминал:

– Судья взял мое дело, полистал его и сказал: «Так вы же правы». Стукнул молотком и крикнул: «Следующий». Я даже сначала не понял, какое решение он принял».

Лишь только получив решение Верховного суда по почте юрист узнал о том, что выиграл дело. Больше года хождений по судам принесло свои плоды. Суд постановил полностью его оправдать и восстановить на работе, а обнаглевшего акима – уволить!

Прежде ничего подобного в Казахстане не было. Кумоство, коррупция и круговая порука среди провоохранителей и госслужащих была такой, что ни один из подчиненных никогда не осмеливался идти против акима. И уж тем более – депутата или министра.

Случай Женкельды Барсаева – это яркий пример того, что человек способен добиться любой справедливости если только он прав и если он того захочет. Что в государстве нет ничего выше закона.

Аким Асхат Алмабеков был уволен. Полиция завела на него уголовное дело, однако почти сразу же прекратила. Мол, в связи с истечением срока давности. Газеты писали, что полицейские специально затянули расследование, с тем расчетом, чтобы оно подпало под истечение времени. Видать и тут аким имел связи. А Жанкельды Барсаев как ни в чем ни бывало продолжает работать юристом в акимате города Иссык.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. УГАРНЫЕ ИСТОРИИ

Цикл рассказов «Угарные истории» основан на реальных случаях из жизни рок-группы The NorD. Арман Баймуханов является вокалистом и гитаристом этой рок-группы. Коллектив был основан в 2004 году в небольшом городе Иссык, что находится в пятидесяти километрах от Алматы. Группа существует по сей день.

О первом выступлении

Считается, что первый концерт коллектива сродни его боевому крещению, после которого команда уже полноценная рок-группа. Конечно, к этому атрибуту не все относятся серьезно, он носит символический характер и значение ему придают разве лишь чрезмерно пылкие к своему увлечению музыканты. «Норд» впервые выступил 18 декабря 2004 года. Первое выступление – оно, наверное, такое же незабываемое, как и для девушки первый поцелуй. Дело было так: как-то к нам на репетицию пришли местные рок-музыканты, которые были старше нас. К тому времени их группы существовали уже по нескольку лет. По ходу тусовки, они между собой решили устроить в нашем городке рок-концерт. Так как дело происходило в нашей каморе, организаторы заодно предложили поиграть и нам. Типа: «Давайте, отличный шанс для первого раза». Мы, конечно, несмотря на то, что у нас не хватало аппаратуры для того, чтобы нормально репетировать, с радостью согласились.

Для подготовки к концерту, до которого было около двух месяцев, кроме прочего, у нас не хватало второй гитары. Ее мы стрельнули у нашего знакомого, которого звали Антоном. Как мы это делали можно узнать из другой истории.

За репетиции мы взялись с воодушевлением. Тогда своих песен у «норда» еще не было и мы решили играть чужие. В плейлисте были песни «ДДТ», «Кино», «Звери», «Чайф», ну и прочие. Когда все начало подходить к делу, от страха стали трястись ноги. В тот день вся наша группа уже с раннего утра отиралась возле здания Дома культуры, в актовом зале которого должен был быть рок-концерт. Несмотря на волнение, настроение было на высоте.

Вообще, всегда в день концерта настроение фееричное. Рок сам по себе подразумевает выброс адреналина. А на рок-концерте, тем более, когда ты на сцене, этот выброс просто зашкаливает! Переволовившись, вся наша группа свински напилась. Музыканты постарше нам рекомендовали тяпнуть по сто граммов для духа. Мы же видать дозу перебрали. Когда на сцене заработали колонки и из динамиков пошел звук, внутри возник ком. «Вот сейчас... Вот сейчас...», – со страхом звучало в голове. Выходить на сцену было очень страшно. Словно бы тебя на казнь вели.

Казалось, что когда наша группа выйдет на сцену, ее как минимум все засмеют. Была сто-процентная уверенность, что все будет именно так! И вот выступавшая до нас группа объявила, что играет последнюю песню. Подходил наш черед и, волнение в груди достигло пика. Дрожащими руками мы готовили шнуры, гитары, гитарные процессоры. Проверяли все ли работает. Часто бывает так, что аппаратура ломается прямо за пару минут до выступления. И вот объявили название «норда». И мы пошли... Страху было столько, будто на убой.

Но в момент, когда «норд» вышел на сцену случилось то, чего мы вообще не ждали. Зал взорвался от слившихся воедино криков, свиста, аплодисментов. Шум был нереально громким. Десятки свистов пересекались в настоящую кашу. Мы потонули в этом шквале ора. Его волна подкинула нас и внушила нам чувство уверенности! А дело было все в том, что почти весь зал состоял из наших друзей и их друзей, которые пришли поддержать нашу группу.

Само выступление прошло конечно так себе. У нас было мало опыта, мы фальшивили, делали ошибки в партиях. Я от волнения два раза спел один и тот же куплет одной из песен.

Но в нашей памяти этот концерт остался навсегда, как и та первая поддержка зала, которая навсегда оставила в наших сердцах заряд.

О камере «норда»

У каждой группы есть репетиционная база – то есть, то место, где она репетирует. «Норд» называл свою репетиционную базу камерой, от слова «каморка». Камера группы находилась в подвале районного Дома культуры (сокращенно – ДК) города Иссык. Подвал этот очень похож на катакомбы. И все его стены исписаны надписями вроде «рок forever» и тому подобное.

Камера, в котором играл «норд» передается рок-группами из поколения в поколение. «Норд» – вторая по счету команда. Стены камеры, в целях подавления акустики, были заглушены лотками для яиц – чтобы по помещению не гуляло эхо и звук из динамиков не превращался в кашу. Помимо полезной части, лотки еще и придавали эстетический вид. На пол камеры был постелен ковролан, потолок завешан плотной тканью, к которой на леске были подвешаны виниловые пластинки. Создавалось впечатление, что они висят в воздухе сами по себе.

Чтобы репетировать, группе нужна аппаратура. Часто она состоит из колонок, которые в десятки раз мощнее тех, через которые обычно слушают музыку. Помимо колонок есть микшер – устройство со множеством крутилок, усилитель и прочее.

В камере был сделан отдельный центр управления аппаратурой. Что-то вроде диджейского кабинета. Его стены были сделаны из скрепленных между собой виниловых пластинок. В центре были регуляторы звука, выключатели аппаратуры и света. Стоит отдельно отметить, что репетиционка была оборудована светомузыкой – разноцветными фонарями и стробоскопом. Позже в ней был добавлен и неон. В общем, это был наш самый настоящий храм.

Здесь регулярно горели индийские благовония. Атмосфера творчества сносила с порога. В камере был домашний уют. Тут стоял компьютер, кухонный уголок, были продукты, а на стенах висели даже иконы. Часто группа обедала в камере или ночевала всем составом на большом раскладном диване. Однажды в камере даже была заведена кошка.

«Норд» начал играть в камере в 2004 году, выкупив у предыдущей группы часть стоявшей в ней аппаратуры. Когда в ней стал играть «норд» народу в ней бывало иногда по тридцать человек. Тридцать человек в комнате размером пять на пять метров. Дыма накурено иногда бывало столько, что можно было вешать топор. Здесь побывал почти весь городок, в котором играла группа.

На столе, который стоял в комнате, лежал большой ватман. Однажды на нем кто-то написал что-то вроде «Ребята, вы крутые! Вася». С тех пор каждый, кто приходил на репетицию, считал долгом что-то написать на нем. Когда одна сторона бумаги была исписана так, что на ней не осталось «живого места», ватман перевернули на другую сторону.

Несмотря на частые посиделки, на репетиционной всегда была чистота. Раз в неделю группа устраивала генеральную уборку. В камере были свои законы. К примеру, когда кто-то приходил в гости, нельзя было отвлекать музыкантов от репетиции. Когда группа готовилась к концерту, то три часа она непрерывно играла, гоняя по кругу концертную программу. Обсуждала детали, вносила поправки. Вмешиваться в разговор было строго запрещено. С другой стороны, для каждого пришедшего, это был отличный шанс послушать музыку вживую и послушаться ею вдоволь.

К «норду» приходили разные люди – и юноши, и девушки, взрослые мужчины и женщины. Хулиганы и ботаники. Рокеры-металлисты и просто меломаны. У них была традиция не приходить с пустыми руками. Многие приносили сувениры, полезные вещи и прочее. Часто к нордам заглядывал батюшка из местной церкви, с конфетами и печеньем. И все вместе усаживались за стол беседовать и пить чай. В 2012 году «норд» съехал из камеры, начав репети-

ровать в коммерческой репетиционной базе. Камора была традиционно передана очередной рок-группе.

Прежде чем войти, подумай: нужен ли ты здесь?

В разное время было очень много разных людей в нашей тусовке. И что хорошо, все они были простыми и интересными. Если девушки, то красивыми; если парни то умными, душевными. С ними можно было и поугарать, и сердце открыть. Гопники тоже порой затёсывались в общение, но как-то сами по себе со временем отпадали. Видать не благодатной была для них атмосфера, не по духу. И вот как-то напросились к нам на репу девченки из местной гимназии. Ну, мы говорим: «конечно, приходите». А на двери нашей каморы была надпись: «Прежде чем войти подумай, нужен ли ты здесь?»

Надпись, конечно, провоцирующая. Была откуда-то скопирована и сделана просто для прикола. И вот мы репетируем. В перерыве между песнями слышим, за дверями что-то не то, явно кто-то там есть. Открываем, смотрим, стоят девченки-гимназистки. Толпой стоят, прям перед дверью. Смотрят в замешательстве.

Мы им: «Вы чего стоите?».

А они: «Да вот думаем входить, нет...».

Собственно они увидели надпись и теперь стояли и думали.

Убирать ее после этого случая мы не стали. Так как она многих вгоняла в замешательство. Хотя, тот кто не был нам нужен, тот долго у нас не задерживался. Не для каждого была благодатной атмосфера.

О том, как мы в пальтишках двигались

Редко уже встретишь рок-группы, у которых имеется собственная камора. Сегодня большую популярность имеют платные репетиционные базы. Пришел на такую базу, а там новые ударные, акустика заглушена – в общем, полный сервис.

Наша группа из тех, у кого еще были свои каморы. Свой оплот, скажем так. Храм, святая святых. Там была особенная атмосфера, потому, что в каморе регулярно горели индийские благовония и дух стоял поистине творческий. Комбикив «маршаллов» не было, да и ударная была у нас старенькой. Но время то – незабываемое.

Репетировали мы тогда в местном Доме культуры (сокращенно – ДК). Времена были застойные. Местами в делах управления городского соцобеспечения зияли дыры, оттого в ДК не было сторожа. И когда на двор опускалась ночь во всем огромном здании Дома культуры мы были полными хозяевами. Но не стоит думать ничего такого – с директором у нас был уговор, что он нам позволяет репетировать, а мы, пока находимся в ДК, исполняем роли сторожей.

И наташили мы в камору себе добра со всего ДК: и уголок кухонный у нас был, и живописи на стенах куча (благо – Дом культуры ведь), и светомузыка, и даже пальма искусственная красивая-красивая... Но, пожалуй, самым интересным, что мы надыбали для себя – это были наши пальтишки.

Шарились мы как-то в очередной раз по Дому культуры. Ну а что делать, когда играть надоест? Знать нас тогда в родном городке особо еще никто не знал. А посмотреть на то, что есть в огромном здании районного значения интересно же. Вот и ходили мы в свои походы, вооружившись фонариками, потому, что местами в ДК не было электричества.

И вот в одну из вылазок наткнулись мы на кипу всяких разных пальто. Пальто были старыми, еще советского покроя. Откуда столько – бог знает. Висела их на вешалке целая куча. Кстати, стоит отметить, что в ДК не было отопления. И один из нас, покопавшись в куче пальтишек, выбрал себе одно наиболее интересное и накинул на плечи. Скорее всего, сделал он это не столько специально, сколько машинально – ну холодно ему было. Замерз чувак в неотапливаемом помещении. Вот и накинул пальто.

Вслед за ним выбирать себе верхнюю одежду принялись и остальные.

Короче, вышло в итоге так, что у каждого из нас появилось свое пальто. Прикольные они были нереально – старые, советские пальто. У кого-то тигрово-коричневое. У кого-то поеденное молью, но с пышным воротником... Басист же наш надыбал себе реально настоящий фрак! Тот самый пиджак с двумя полосками ткани сзади, в каких выступают дирижеры. Видать на сцене ДК некогда жарил дирижер. И на репетициях наш басила стал выглядеть натурально как маэстро!

Как только приходили мы в камору, то сразу накидывали на себя эти пальто. Кроме нас тогда еще в ДК никого не было. Поэтому двигались мы в пальтишках свободно и никого не стесняясь.

Абсолютного угара ситуации добавили погоны на пальто. От делать нехер мы нацепляли еще и медалей, написали на груди надписи типа «омон», «спецназ», ВДВ... Кстати, басиле нарисовали немецкую свастику. Черный фрак со зловещей свастикой выглядел колоритно!

И вот случилось так, что в наш подвал заехала еще одна рок-группа. Внезапно раз и взялись откуда-то соседи. А к ним еще и друзья стали приходить. И вот рубим мы в своей каморе музыку, устанем, накинem на плечи пальтишки, чтобы не замерзнуть, и идем в коридор покурить. А там соседи стоят из соседней каморы, поглядывают на нас. И похохатывают.

Сначала мы не поняли. Просто очень уж привыкли быть в ДК одни. А потом дошло, что все дело было в наших пальто. Но смеха ради мы продолжили ходить в них. И ходили еще долго. Однако потом все же сняли. И не потому, что стыдно стало. Все дело было в стальных противовесах. Но это уже другая история.

О том, как у нас бутылки украли

С 2004-го по 2012-й годы «норд» репетировал в Районном доме культуры (сокращенно – РДК), в городе Иссык (Алматинская область, Казахстан). Репетиционная нашей команды находилась в подвале ДК. Камору мы свою любили и уважали. Она была добротнo оформлена: содержала мягкую мебель, кухонный уголок, посуду; а стены её были креативно раскрашены баллончиками. Мы почти жили на репетиционке. Там была особая атмосфера; там витал дух свободы и творчества. Наша рок-группа была не первой, репетировавшей в подвале ДК. Прежде там играла другая группа. В 2004-м она из ДК съехала, а камора (да и весь подвал ДК) за определенную плату, перешел от неё в наследство к нам. Вместе с каморой и подвалом, соответственно, нам досталось и всё, что там было.

По подвалу проходили большие квадратные вентиляционные шахты. В одной части сверху они были забиты разным хламом: музыкальной аппаратурой, шнурами, проводами, перегоревшими усилителями и прочим. Другая же часть сплошь была завалена бутылками. Бутылок было нереально много! Впервые увидев, сколько на вентиляционных шахтах было стеклотары, мы невольно отметили, что если предыдущие музыканты начинали бухать, то, судя по всему, делали это с размахом.

Бутылкам мы поудивлялись да и забыли о них.

Когда же «норд» в родном городе стал более-менее популярен, мы поняли, откуда было столько «пузырей»: на репетиции к нам стало приходить много народу и едва ли не каждый нёс с собой алкоголь. Невольно инициатива прежней рок-группы нами была перенята и заполнение вентиляционных шахт бутылками продолжилось. Через пару лет шахты оказались напрочь забитыми. Ряды аккуратно сложенных бутылок стали достигать потолка.

И вот как-то летом мы сидели командой на лавочке ДК и в очередной раз гадали о том, где бы взять денег на ремонт уже в который раз сломавшейся аппаратуры. Варианты предлагались разные, но все они, к сожалению, казались нам бесперспективными.

И тут один из нас выдал:

– А давайте бутылки сдадим!

И все мы сразу встrepенулись. И, невольно вспомнили о мужичке на трехколесном мопеде, который часто ездил по нашему небольшому городку и гнусаво надоедал его жителям в рупор: «Бутилки прынымаем... Бу-утилки!...»

Идея показалась здоровой! Мужичок нами был разыскан и вместе со своим мопедом наспех доставлен к ДК. Буылки наши, по нашим предположениям, должны были до отказа забить кузов его «Муравья».

В предвкушении наживы, мы отправились в камору...

Но какая же досада ожидала нас по приходу в подвал! Оказалось, что кто-то бессовестно украл наше имущество – все наши драгоценные бутылки куда-то исчезли. Это было самое настоящее ограбление, подлое и коварное!

И как же мы сразу не заметили отсутствия наших бутылоч? О том, кто ограбил нас, мы так и не узнали. Личность вора осталось загадкой. И потом еще долго строили версии о ней. Косо поглядывали то на одного, то на другого. Но с годами с утратой смирились и от нее осталась лишь угарная история.

Подвальный полтергейст

Как-то на перерыве, посреди репетиции, решили мы попить чаю. Чайник был у нас довольно старый – алюминиевый, электрический. Идти за водой была очередь нашего гитариста и так как ему на первый этаж (мы играли в подвале) подыматься было лень, он вышел на улицу и набил чайник снегом! Поясню, что в подвале имелся прямой выход на улицу.

После чувак зашел в камору и со спокойным выражением лица воткнул вилку чайника в розетку. Посуда видать на такой подход рассчитана не была и через пару минут чайник взорвался. Мы, конечно, были в шоке: Что случилось, что за взрыв? Это потом стало ясно, что во всем виновата была лень... Что делать со взорвавшимся чайником?! Ну, мы ж творческие... Решили подвесить его в подвале на струну. Типа чайник держит в руках полтергейст. Вышло слегка жутковато – чайник реально, прицепленный к вентиляционной трубе, висел в воздухе натурально!

Так мы его оставили и забыли о нем.

Однако через некоторое время в подвале начали происходить странные вещи. Ни с того ни с сего стали раздаваться непонятные звуки, словно удары по вентиляционным трубам и стенам. Громко, внезапно! Вначале мы думали, что у нас ходит кто-то посторонний. Но, раз за разом обшаривая катакомбы подвала, никого не обнаруживали. После пятого или шестого раза стало не до шуток. И собравшись на консилиум трухнувшая банда наша решила чайник со струны снять!

И чертовщина сразу же прекратилась.

Байк турне

Однажды в соцсетях «норду» пришло письмо от некого чувака. Чувак предлагал отправиться в турне в рамках рекламной акции некоей компании-производителя мотоциклов. Вроде каких-то чопперов. Похоже, даже звучало слово «харлей».

Ну, мы согласились. А что нам? А чувак заявил, что придет к нам на репу, дабы отслушать как мы играем и попросил нас подготовить ему райдер. Райдер к намеченному числу мы, со всей полагающейся в таких случаях предусмотрительностью составили. Сидели тщательно рассчитывали, думали и указывали в нем.

И вот настал день встречи. Чувак пришел к нам на репу. Принес с собой ящик пива и еще чего-то к пиву... Посидели, познакомились. И мы начали лабать.

После игры чувак заявил, что ему очень нравится. На что мы ответили, что нам тоже. Опять сели пить пиво. В процессе этого чувак заявил, что хочет открыть рок-байк-бар, которому нужна рок-группа резидент. И предложил быть ею нам.

Быть резидентом для начинающей рок-группы – это очень даже неплохо. Считай, есть место, где репетировать и выступать. Есть площадка, есть аппаратура – все это здорово! Поэтому и на это предложение мы ответили согласием. В общем, за вечер обсудили всё: и дату начала турне; и репертуар песен; и дату открытия того самого рок-байк-бара. В общем все!

И вот настал день икс, а чувака и след простыл. Нету чувака. Телефон в ауте. Личка в соцсетях молчит. Прогнал мужик понтов и пропал бесследно!

И кстати таких было много – всяких разных шалопаев, которые придут на репу и болтают типа они продюсеры, спонсоры и так далее.

От заката до рассвета

Однажды «норду» предложили сделать студийную запись нескольких своих песен. Предложение было бесплатным и исходило от самой студии звукозаписи. Если взглянуть объективно, то можно сказать, что в жизни рок-группы многие вещи имеют едва ли не ритуальный характер. К примеру, подготовка к концерту – настройка звука, установка аппаратуры – это почти ритуалы. Потому, что выверяется каждая доля тембра и, конечно, от самого процесса музыканты получают большое удовольствие.

Со звукозаписью все то же самое. Она, сама по себе, тоже, скажем так, ритуал. Поэтому мысли о ней вызвали у нас только положительные эмоции...

Запись треков была запланирована на выходные, на вечернее время. В студию наша команда приехала, в районе восьми часов вечера, где нас встретили два звукооператора.

Познакомившись, всей компанией мы отправились за пивом и, опорожнив каждый, примерно по две банки, принялись за дело.

Времени было уже около десяти часов вечера.

Обычно писать начинают первыми барабаны, затем бас, потом гитары и в конце всего – вокал. Мы же начали все вверх тормашками – с гитар. После отписали бас. Все шло нормально.

Однако когда дело дошло до ударной возникли проблемы. В партии было место, которое наш ударник никак не мог проиграть как нужно. Провозившись около часа, решили передохнуть. Барабанщик же заявил, что отдыхать не будет, а порепетирует.

Стояла полночь. Поэтому закупившись в ближайшем круглосуточном магазине провиантом, компания наша подкрепилась. Заодно взяли там и еще пива.

К часу ночи опять взялись за ударную. И на том же самом месте вновь застряли. Пытаясь как-то вывернуться из ситуации, звукооператоры хотели было что-нибудь придумать, включали смекалку, хитрили и так, и сяк. Но, ничего у них не вышло.

В итоге вся наша команда легла спать. Прямо в студии, на полу – на ковrolане, подложив под головы рюкзаки и чехлы от гитар. Хотя сном это назвать было нельзя. Барабанщик продолжал пытаться пробить капризный участок партии и под грохот ударной, можно было разве что лежать, прикрыв глаза.

К половине седьмого утра барабанщику наконец-то удалось простучать партию как нужно. На событие это все мы отреагировали словно Москва на победу над фашизмом. И после записи ударной, началась запись вокала. Петь после бессонной ночи было непросто. Из студии команда наша вышла в районе десяти часов следующего дня.

Это была сложная ночь!

Прошла неделя. Звукооператоры должны были отмикшировать запись и передать нам песню. Но ни песни, ни самих звукооператоров мы больше никогда не видели. Их телефоны молчали и почта в интернете вела себя так же конспиративно. В чем был смысл четырнадцатичасовой бессонной ночи при таких результатах – увы, для нас это так и осталось загадкой.

«Часовня»

Играем мы значит как-то на репетиции. Во всю рубим рок. Ушли в музыку с головой. И тут прямо посередине песни открылась дверь и на пороге возникла девчонка. Мы ее сразу и не заметили. Первым перестал играть барабанщик, так как сидел лицом к двери. Влекомые сломанным ритмом, вслед за ударником перестали играть и мы.

– Тебе чего? – спросил у нее ударник.

Она такая:

– Не подскажите сколько время?

От вопроса мы слегка опешили, так как камора наша находилась в катакомбах подвала местного Дома культуры. И чтобы дойти до нее, постороннему человеку нужно было преодолеть едва ли не лабиринты подземелья. Поэтому одна только мысль о том, как это девушка оказалась у нас в каморе уже вызывала недоумение, не говоря уже о сути ее вопроса.

К слову сказать, часы висели над прямо головой ударника, в аккурат напротив двери.

Посетительнице было сказано сколько время, после чего она, выскочив за дверь, исчезла. Мы же, пожали плечами и продолжили репетицию.

На следующий день опять в самой середине репетиции распахнулась дверь и на пороге вновь возникла наша старая знакомая. «Скажите, а сколько время?», – опять спросила она.

Мы еще раз сказали ей сколько время.

– Спасибо, – бросила та и убежала.

Ситуация повторялась еще несколько дней. В последний раз ударник наш не выдержал: «Тебе что, часовня здесь что-ли?!», – прикрикнул он на девушку. Та, смутившись, нырнула за дверь. Больше спрашивать сколько время она не приходила.

Позже мы с ней познакомились. И общались долго. Потом же она куда-то исчезла и мы забыли о ней. Вроде как переехала в другой город. Кажется, это было так. В целом же девушка оказалась хорошей. Зачем она приходила узнавать о времени, спрашивать мы ее не стали.

Концерт в воинской части

Однажды в Дом культуры, в подвале которого находилась репетиционная «норда», приехал цирк. Камора наша была расположена так, что над ней была лестница, ведущая в актовый зал. Когда в ДК приезжали разные артисты и группа начинала репетировать, представители этих артистов приходили к нам с просьбой играть тише, так как наша аппаратура перебивала их колонки. Выходило, что зрители вместо представления на сцене сидели и слушали рок!

В случае с цирком все повторилось как обычно.

Что ж, мешать циркачам никто не стал. Поэтому аппаратуру вырубili, один из нас взял в руки обычную шестиструнную гитару и мы все расселись кто где, в ожидании когда кончится цирк.

Однако вскоре возникающая была скука была нарушена. В камору вошли двое полицейских и один военный. При виде погон у нас вытянулись лица. Каждый мысленно перевернул свою память на предмет правонарушений.

– Кто здесь музыкант? – зычно выдал один из ментов.

– Я – неуверенно отозвался один из нас.

– Так, есть разговор, – продолжил тот, цепко осматривая камору.

Мы испуганно затаили дыхание. Все гадали о причине визита ментов.

– А в чем дело?

– Удав из цирка сбежал. Ползет на звук. К вам в подвал заполз!

Показалось, что никто из нас не понял, о чем речь.

– Какой удав?

– Длинный! – невозмутимо ответил мент, продолжая вести свой взгляд по каморе.

Но тут он неожиданно сменил строгий тон на дружелюбный:

– Да ладно, шучу я, пацаны! Хотите денег заработать?

Денег заработать мы хотели, тем более, что предлагал это не кто-то, а полицейский, ругаться с которым совсем не хотелось.

Предложение его показалось привлекательным: мент предложил дать концерт в воинской части. «С каждого солдата по пятьдесят тенге за вход», – добавил молчавший прежде военный. Услышав, что солдатом ожидается не менее пятисот человек, мы согласились.

К парадному входу ДК подогнали армейский автобус, аппаратуру погрузили и группа наша поехала выступать в воинскую часть, находившуюся недалеко от городка, в котором была наша камора.

По приезду в часть в глаза бросился неестественный порядок. Он был слишком броским: слишком побеленные бордюры, слишком чистые тротуары... Казалось, что эта чистота соткана из чьих-то страданий. И, вероятно, так оно и было. Потому как в те годы в армии дедовщина и издевательства над солдатами были обычными явлениями. В тот день в части был какой-то праздник. Руководство хотело преподнести подарок солдатам, вот оно и вышло на рок-группу.

Выступать на сцене зала, в котором сплошь сидели одни военные было прикольно. «Норд» так больше не выступал! В части мы познакомилась с прапорщиком, отвечавшим за музыкальное оборудование. Прапор травил плоские армейские шутки, много курил и под конец подарил нам кучу всякой разной аппаратуры. С выступления этого команда наша приехала в тот день поздно. От денег за выступление благодушно отказались.

– Ну как хотите! – равнодушно пожал плечами прапор.

И только в каморе потом подсчитали, что пятьдесят умножить на пятьсот получится двадцать пять тысяч.

– Блин, сколько денег профукали, – сокрушалась мы потом.

Кроме воинской части как-то довелось еще выступать на дне рождения генерала МВД. Тогда один из ментов весь вечер требовал от нас частушки.

Пацаны, сыграйте! Пацаны, частушки, – просил и просил он.

А мы: «Не, мы не играем частушки! У нас нету частушек...».

Хотя, это уже другая история...

Именины генерала

Однажды к нам в камору пришли менты. Однако не стоит сразу думать ничего такого – менты пришли с предложением «норду» выступить на юбилее некоего генерала МВД. Мы были тогда еще совсем школьниками и наши родители безнадежно отказывались финансировать бесполезное, с их точки зрения, наше увлечение. И потому крутились мы как могли. Выступить за предложенную не очень большую сумму на дне рождения генерала мы согласились. Аппаратура была погружена в подогнанный микроавтобус и мы покатали в путь.

Дом генерала находился на окраине городка, в котором репетировала наша группа. На дворе стояло лето и потому торжество там проходило прямо в саду, на открытом воздухе. В момент нашего приезда публику уже развлекал некий певец с синтезатором. Один из ментов отметил, что артист этот приехал аж откуда-то то ли из Турции, то ли из Ирана. Впрочем, он и вправду не мог сказать ни слова по-русски. Пел и общался исключительно на английском. Настроив аппаратуру «норд» взялся за гитары и возникший было у публики скептицизм сменился на интерес. После выступления довольные хозяева всю группу нашу усадили за отдельный стол. Рядом поставили мангал с шипящим на нем шашлыком и несколько ящиков пива. Группа прерывала трапезу одной двумя песнями, после чего передавала эстафету заморскому артисту, и опять усаживалась пить пиво в саду, под открытым небом и звездами.

Стоит отметить, что та летняя ночь была ясной и теплой.

В какой-то момент к нам подсел один из присутствовавших гостей-ментов. По погонам было видно, что он капитан. Капитан был подшофе.

– Пацаны! Заткните вы этого типа. Достал он со своим английским, – возмутился мент.

– Да, да. Сейчас начнем играть, сделаем! – убедили мы его больше для того, чтобы просто отвязаться.

Однако позже он опять пришел. На этот раз с просьбой исполнить частушки.

– Вот эту вот: «Девки в озере купались...» – неприлично жестикулируя привел он пример.

– Не-е... Мы такое не играем! – запротестовали мы.

Но мент не унимался и продолжил требовать частушки. Через время к нам подошел его коллега, он был несколько трезвее капитана. Потянув последнего за рукав тот увлек его в сторону.

Опять пришла наша очередь выступать и опять возник пьяный мент, требуя частушек.

В общем, донимал он нас весь вечер со своими частушками. Но мы их так ему и не спели. Хотя, если честно признаться, знали парочку матершинных песенок.

Кошка-рокерша

Однажды наш бас-гитарист принес на репетицию кошку. Встретилась она ему по дороге на репу, сидела грязная и брошенная, ему и стало жалко ее.

– Ну, пусть будет жить у нас в каморе, – просил он.

Понятное дело, что все были категорически против таких дел. Кошка – это же животное. За ней смотреть надо – кормить, лоток ей чистить. Но басила продолжал упрашивать и даже зарекся, что смотреть будет за ней сам. В качестве самого значимого аргумента он выдал:

– Ну, ни у одной группы не живет в каморе кошка!

Немного еще посопротивлявшись, команда плюнула на него, типа: «Ай, да делай, что хочешь».

Тот же притащил кошке еды, молока. Соорудил ей из картонной коробки домик, настелил в него одеяла и еще тряпок каких-то. Короче, зажила у нас кошка, как на курорте.

Вначале кошка пугалась грохота ударной и издаваемого скрежета гитар из динамиков. Прятался, испуганно озирался. Но, в конце-концов привык и стал вести себя как дома. Пожир-нел, стал упитанным и ленивым.

И все бы ничего только через некоторое время кошка эта окатилась, и стало их у нас не одна, а целых пять! А еще через время в каморе завелись блохи. Их было целая тьма и с каждым разом становилось все больше и больше. Размножались насекомые очень быстро, потому, что стены каморы, в целях акустического заглушивания, были завешаны материалом. На полу был ковролан. В общем, самые что ни на есть благоприятные условия для разведения блох. Едва ли не инкубатор.

В короткое время блох стало так много, что нет-нет прямо во время репетиции, играя на гитаре можно было увидеть, как по ней куда-то по своим делам неслась одна из них.

Мы все были напрочь искусанными. Это был настоящий ужас! Похоже, блохи реально задумали высосать из нас всю кровь.

Закончилось все тем, что басиле в его отношениях с кошкой был поставлен вопрос ребром. А в ближайшем магазине закуплен весь дуст (средство по борьбе с блохами) который в нем был. Продавец не понял, куда нам столько отравы. Камора была засыпана толстым слоем яда и закупорена. Через несколько дней от блох не осталось и следа. На этом история с кошкой была закончена.

Больше животных у нас не заводилось.

Моральный ущерб

В пору, когда мы только начинали играть, был у нашей группы дефицит с инструментами. Сложился он ввиду отсутствия денег на их приобретение. И так как родители безнадежно отказывались финансировать наше, на их взгляд, бесполезное увлечение, выкручивались мы из ситуаций как могли.

Как-то раз решили мы выступить. А на всю группу была только одна шестиструнная гитара (а надо было две). Что делать? Решили вторую попросить у нашего общего знакомого, которого звали Антоном.

Антон вообще тип слегка неординарный. Необычен он с одной стороны тугодумством, а с другой хитростью.

В общем, пошли мы к нему всей бандой. Приходим, говорим: «Антон, так и так, выручай... Дай гитару». Тот, почесав затылок, говорит:

– Да, я что-то не знаю...

Уламывали дальше. Тот, соответственно, уворачивается как может: «Да, вы сломаете», «Да, вы струны порвете»... А мы: «Нет, нет! Не ломаем, не порвем». И тут Антон выдал фразу, которая впоследствии прочно засела в лексиконе нашей группы:

– Да, Санёк не захочет!

Стоит пояснить, что Санек – это младший брат Антона. Фраза была брошена владельцем гитары скорее как хитрый, просчитанный отмазон. Настолько хитрый, что потом, когда к примеру, один из нас просил у другого что-нибудь ценное и если тот ни в какую не хотел одалживать предмет, то отвечал ему: «Да, Санек не захочет». И мы все сразу вспоминали Антона и случай с гитарой, и начинали угорать!

– Ну, давай спросим у него, – продолжали мы тем временем уговаривать Антона.

Вышел Санек. Вошел в курс ситуации и под стать своему брату выдал следующую фразу, которая также как и первая, пополнила нашу коллекцию образных выражений:

– Нам это невыгодно! – заявил он.

Стоим мы в подъезде. Лупаем шарами, смотрим друг другу в глаза и видим в них немой шок от смекливости братьев. В общем, кое-как все же уговорили мы их дать нам гитару.

Прошел концерт. Отыграли мы на нем. После концерта гитара еще какое-то время была у нас в каморе. Мы решили пару репетиций погонять на ней. Не было просто второй гитары у нас, а поиграть всем составом было жуть как охота!

На гитаре Антона играл наш гитарист. На дворе была зима и в каморе у нас стоял китайский обогреватель.

И вот однажды поиграв на гитаре, гитарист наш поставил её возле этого обогревателя. Вышли мы покурить в коридор, а когда пришли назад в ужасе обнаружили, что одна сторона гитары слегка оплавилась!

Ё-маё! Как так? Что теперь сказать Антону?!

Хрен с ним. Решили тупо отнести и с наглым видом отдать инструмент хозяину в том состоянии, в котором он был. В общем, в назначенный день опять пошли к Антону всем своим обществом.

И вот стоим в подъезде. На нас смотрит Антон. Гитарист наш отворачивая оплавленную сторону гитары так, чтобы ее было не видно, говорит:

– На вот... Антон... Мы тебе гитару принесли.

Все мы в этот момент затаив дыхание молились о том, чтобы Антон ничего не заметил. Но не тут-то было. Антон хоть и тугодум был, но не дурак! Ничего не подозревая, он скорее инстинктивно, чем умышленно начал вертеть в руках свой инструмент. И когда увидел на нем дефект каждый из нас про себя проклял его эту нетупизну при всей тупизне.

За порчу гитары Антон потребовал моральный ущерб (да, вот прям так и сказал).

– Вот блин, – удивлялись мы потом. – Тупой, тупой... А говорит: «моральный ущерб». Умный, блин!

Впоследствии Антон часто приходил к нам в камору просто в гости или поиграть на гитаре.

Пиковая дама

Выступали мы как-то в Парке имени двадцати восьми гвардейцев—панфиловцев, в Алматы (есть такой). После выступления всегда появляются какие-то новые люди, с которыми знакомишься, сидишь, общаешься... В этот раз все было так же. После концерта своей тусовкой мы решили посидеть тут же рядом – в этом же парке. Просто посидеть. Перевести дух. Пообщаться с новыми знакомыми.

В круг затесались какие-то девушки по восемнадцать-двадцать лет. Трое или четверо. Кто они были такие мы не знали, так как прежде их вообще не видели.

С нами же был парень по имени Вася – наш общий друг и близкий нам человек. Васёк тогда отличался тем, что любил подкатывать к девушкам (позже он женился и дело это прекратил). И вот расселась вся тусовка по лавочкам, разбилась по кучкам. И в каждой кучке шло какое-то свое общение. Велась своя тема. А одна из кучек не сидела, а стояла кружком. Неизвестно почему она стояла – то ли лавочек не хватило, то ли так удобнее им было. В этом кружке стоял Васёк, эти самые девушки и еще какие-то парни.

И вот Васёк, движимый своим ловеласным инстинктом, что-то так заигрывающе сказал одной из незнакомок. Та, к неожиданности, не поняла его: «Э, ты кому это сказал?!» – вдруг наехала она и затем раздался странный звук, привлечший внимание всей тусовки.

– «Ч-чак»! – сухо прозвучало в воздухе.

Все мигом обратили внимание на то место, откуда исходил этот звук.

Физиономия Васи выражала смятение и абсолютную потерянность. Оказалось, что дама, в ответ на его флирт, втащила парню головой в челюсть. И теперь, глядя на него бычьим взглядом, разъяренно раздувала ноздри.

Никогда в жизни мы не встречали таких гопниц!

Васёк же, как и подобает кавалеру, в ответ девушку бить не стал. А так и стоял некоторое время растерянно хлопая глазами и, глупо улыбаясь.

О том, как мы в гимназии выступали

В небольшом городке, откуда родом наша команда, есть городская гимназия. Когда-то часто мы выступали на сцене ее актового зала. И причиной тому была не только популярность «норда» среди ее учеников, но и кое-что другое.

В гимназии этой была куча аппаратуры. Бесхозная она почти была. К примеру, за кулисами актового зала висело не только полотно кинотеатра, но и стояли мощные советские колонки. Колонки эти вызывали в нас однозначное равнодушие.

Родители безнадежно отказывались финансировать наше увлечение. Поэтому, выкручивались мы как могли... И твердо решили, что с гимназическими колонками надо что-то делать.

И вот наступил день очередного нашего выступления на сцене того самого актового зала. Выступали мы как правило в рамках какого-нибудь события, там, к примеру, осеннего бала или выпускного и так далее. И почему-то, неизвестно почему, организаторы мероприятия неизменно загоняли нас на сцену еще до выступления. То есть, было так: мы заходили на сцену еще до начала всего, кулисы задерживались и все время, до самого нашего выхода, мы сидели за ними.

Как-то раз мы сговорились, что, пока вся группа будет выступать, один из нас выкрутит динамики из тех самых колонок (ну вот нужны нам были динамики, а денег купить их – не было). И вот дошло дело до выступления. Мы рубили, а клавишник наш выкручивал динамики.

После выступления директор гимназии, который, кстати, сидел на первом ряду в актовом зале и, как и все другие, слушал нашу музыку, попросил нас зайти к себе.

Перепугались мы тогда нормально. Думали – всё! Заметил он.

Заходим в кабинет. Понуро опустив головы, стоим. Тот же начал издали. Вот ребята вы, мол, часто выступаете у нас, талантливые. Ля—ля—ля... У нас много аппаратуры.

Вызвал он к себе и завхоза. Тот стоит слушает. Ключами вертит. И внезапно дело приняло неожиданный оборот. Вместо того чтобы наказать, директор говорит: в подвале у нас лежит аппаратура, на которой играл некий вокально-инструментальный ансамбль. Можете забрать ее себе.

В общем, в тот день мы не только динамики из колонок утащили, но еще и две машины груженные другой всякой разной аппаратурой увезли.

О мониторах «норда»

В 2008 году у «норда» стали появляться первые записи. Делали мы их на нехитрой аппаратуре. Особо поясню, что при мастеринге аудиозаписей используются специальные музыкальные колонки, которые в профессиональной среде именуются мониторами.

Так вот. Купили мы по интернету пару таких мониторов. А для того, чтобы оплатить заказ отправились в отделение банка. Пришли, стоим. Кассирша спросила назначение платежа. Мы ей: «за товар». Та говорит, давайте лучше укажем «помощь дяде». А то при оплате за товар с вас сейчас налог спишут. Мол, к чему вам лишние траты? Мы говорим: «Ну, давайте». Та ловко проставила штампы, и уже хотела протянуть квитанции, как к ней в кассу вошла начальница. Видимо у руководительницы был обход, потому, что войдя, она стала у кассирши все проверять. Удостоверившись, что все в порядке, она решила поговорить с клиентами.

– Ребята, вы проверили свои данные, все ли верно? – обратилась она к бас-гитаристу, стоявшему у кассы.

И тут она взяла в руки квитанцию и прочитала назначение платежа – «помощь дяде». И глаза ее стали наполняться уважением. Она действительно решила, что басист отправляет денежную помощь дяде. Начальница стояла и глаза ее уже сияли неподдельным уважением: вот, мол, какой же молодец! Дяде деньги шлет...

Мы застыдились её взгляда. Кассирша виновато отвела глаза. Руководительница вышла. Но начало звукозаписи было положено хорошее. Первую положительную реакцию наши студийные мониторы дали!

Красавицы на минивене

Однажды группа наша выступала в одном из местных ресторанов. И так как для живой рок-музыки требуется специфичная аппаратура, то пришлось нам взять свою. Причем, взять пришлось на фургоне – аппаратура требовала вместительный транспорт.

Шел новогодний банкет какой-то компании, её сотрудники плясали под музыку. После выступления группа наша получила расчет и я решил идти на дорогу ловить такси, чтобы везти аппаратуру назад на репетиционку. В помощники со мной вызвался идти бас-гитарист. А остальная группа занялась сборами.

Стоял погожий предновогодний вечер. Я ловил такси с одной стороны дороги, а басист с другой. Это чтобы скорее поймать. И вот стоим мы и ловим. И тут со стороны ресторана выехала машина. Был это минивен. Авто это хоть и достаточно просторное, но для перевозок не подходит. И вот, остановился этот минивен возле меня и со стороны водителя выглянула девушка:

– Ребята, вам куда?

Я удивился тому, что девушка занимается извозом. Окинул взглядом машину и бросил:

– Да не. Нам не по пути!

– Почему?! – вдруг высунулась с пассажирской стороны еще одна. – А! Это же вы только что выступали в ресторане?

Я заглянул в салон, а он – полон девушек. Видать, ехали они с того самого новогоднего корпоратива, да хотели продолжения вечеринки.

– Аппаратуру нам надо перевезти! – серьезно продолжал я.

- Ну давайте мы вам перевезем! – не унимались незнакомки.
 - Да не-е. Не поместится она!
 - Да?! – донеслось из салона, – Ну и ладно...
- Дав по газам минивен умчался прочь. И только тут меня осенило.
- А басист ни о чем не подозревая ловил машины на другой стороне дороги.
- Саня! – побрел я к нему. – Хочешь кое-что расскажу...

Выпить есть, а часов – нет!

В 2008 году у «норда» стали появляться первые записи. Работали мы над ними очень напряженно. В качестве студии выступала репетиционная база, оборудованная нехитрой аппаратурой и компьютером. За этим делом группа наша пропадала днями и порой выходила из каморы далеко за полночь. И вот брели мы как-то лунной ночью после записи. И не знаю, как так вышло, но не было у нас часов. Ночь стояла уже капитальная. А сколько точно было времени мы не знали! И вдруг откуда ни возьмись на улице – мужик. Стоит, озирается. Мы к нему.

- Не подскажите сколько время?
- Тот взгляделся в нас и говорит:
- Вот выпить – есть. А часов – нет!

Оказалось он той лунной ночью искал себе собутыльника. Пузырь был, а одному никак не шло. Вот и вышел он на улицу в поисках компаньона. Группа наша пожелала ему удачных поисков. И еще долго мы вспоминали его фразу: «выпить – есть, а часов – нет». Эх, до чего народ дожил!

Стальные противовесы

Часто гитаристы пользуются гитарными приставками. Это такое устройство, в которое втыкаешь шнур от гитары и оно выдает различные звуки: тут тебе и тяжелая гитара, и гитара с эхом, и куча других красивых эффектов. Вещь, в общем интересная! А у нас первое время такой приставки не было. И озадачились мы как-то о том, где бы взять денег на ее покупку. Их же у нас не было. Поскольку родители безнадежно отказывались финансировать бесполезное, с их точки зрения, наше увлечение.

И тут один из нас рассказал, что на днях один мужик предлагал ему заработать на сборе черного металла. Мужика мы этого разыскали и вступили с ним в переговоры.

- Сколько денег надо? – спросил тот.
- Тринадцать тысяч!

Именно столько по тем временам стоила пусть не самая лучшая, но и не самая худшая гитарная приставка.

– Надо собрать полный грузовик металла, – заявил мужик. Мол, меньше и мараться не стоит, не выйдет а то тринадцати тысяч.

Что ж. Приставка была нужна очень сильно. А вариантов других не было. И мы ударили по рукам, договорившись на следующее же утро ехать на сбор.

Утром мужик заявил, что лом надо собирать на городской свалке. Мол – это самое лучшее место для этого. И нет больше нигде столько железа, как на свалке! Конечно, участь рыться в помойке нас смутила. Кому же хочется в ней копать? Но потоптавшись мы согласились. Поздно было уже – и грузовик стоял тут, и мы собрались. Чего отступать?

И мы поехали.

Свалка и в самом деле изобиловала железом. Вот тебе и ржавый кузов легковушки, вот и проволока, и обрезки труб. Но мужик заявил, что кузов никак не подойдет. Хотя и займет сразу полгрузовика. Мол, на приемнике такое не берут потому, что металл тонкий и в печи сгорит. Пришлось легковушку оставить.

Весь день мы копались на помойке, словно самые настоящие бомжи. Лица наши к вечеру стали черными, руки грязными... И лохмотья, которые мы надели чтобы не марать чистую одежду, дополняли наш вид. Раз в пару часов приезжали машины и вываливали мусор. И мы набрасывались на него в поисках арматуры, труб, железных уголков. И водители смотрели на нашу шайку и, наверняка, думали: «Во бомжи кучи обрабатывают. Целая бригада!».

К вечеру грузовик был забит до отказа. Мы радовались, что день тот закончился. Мысль о том, что скоро у нас появится новенькая гитарная приставка грела душу.

Но на следующее утро мужик сказал, что металла не хватает. Мол, пацаны, хотите приставку – собирайте еще. И стали мы думать, где б взять железа. Репетировали мы тогда в местном Доме культуры (сокращенно – ДК). Времена были застойные, в ДК не было сторожа. И когда на двор опускалась ночь во всем здании мы были полными хозяевами. Но не стоит думать ничего такого – по договоренности с администрацией мы сами исполняли роли сторожей.

Тут надо сказать, что в подвале Дома культуры было видимо-невидимо всякого хлама. Валялся он в диком беспорядке. И среди мусора также было и немало железа. Представляло оно собой старые трубы, обрезки свай и прочее. На следующее же утро грузовик был подогнан к черному входу и в подвале нашем пошли работы. По соседству с нами играла еще одна группа. Собрали ее пацаны с района, опыта особого у них в этом деле не было. И вот ворошили мы хлам в подвале, а они придя на репетицию говорят:

– А вы что делаете?!

– Да, вот, – отвечаем, – Мусор прибираем. Много мусора в подвале. Прибраться надо.

Пацаны нашей ответственности прониклись. Остаться в стороне им показалось странным.

– Мы вам поможем!

– Хорошо, – ответили мы, – Вы только это... Железо отдельно – вот в эту кучку кладите.

И пацаны совершенно не догадавшись о подоплеке всего дела, принялись ворошить хлам вместе с нами.

Часто к нам на репетицию заглядывал наш общий знакомый по имени Толик. Был он смекливым и всякое дело всегда стремился обернуть себе в пользу. В тот день Толик как обычно заглянул к нам в подвал. И вдруг выяснилось, что ему для хозяйства край нужна «улитка» – вентиляционный мотор, который находился в подвале ДК. Был он на вид как панцирь улитки. Потому так и назывался.

Ладно – хлам. Но хищение «улитки» нам показалось делом серьезным. К тому же весила она, наверное, килограммов сорок и была вся сплошь из алюминия. Металл этот был дорогим, потому мы быстро поняли интерес Толика. Но тот нас убеждал, что, мол, все равно мотор нерабочий, вентиляции в трубах нету, потому, мол, и пропажу «улитки» никто не заметит. Помявшись мы уступили.

Вслед за Толиком вдруг мужик заявил, что надо бы вместе с «улиткой» и громадный железный радиатор вытащить – уж очень он тяжелый. Кило пятьсот – минимум. И раздобыв стальной трос мы решили выдернуть его из подвала грузовиком.

И вот стояла такая картина. В полумраке ворошила горы хлама соседняя группа. Толик, брызгая струями искр, пилил болгаркой «улитку». А мы гурьбой крича команды вроде «поднажми», «стой!», «давай еще», ворочали грузовиком полутонный радиатор.

Подвал наш ей-богу, один в один был как рабочая шахта!

К вечеру все было закончено. Подвал убран, «улитка» спилена. Кто-то из нас вспомнил, что в актовом зале лежала целая куча стальных противовесов. Это были добротные куски железа. Толстые, литые целиком. Каждый кило по тридцать. Упустить такой барыш показав

лось нам непростительно. И потому с наступлением темноты было решено идти в актовЫй зал. Сколько мы вытащили противовесов – трудно сказать, но руки о железо мы поистерли себе капитально. Уж очень тяжелыми были они. К ночи мужик объявил, что металлолома достаточно – кузов машины был раздут так, что не было места.

На следующий день мы получили расчет – тринадцать тысяч. И у нас появилась гитарная приставка. И музыка наша сразу стала звучать в разы красивее. Радости нашей не было предела.

А через пару дней к нам нагрянула полиция! Вся наша банда оказалась в участковом пункте. Как это ни было странно, но заявителем в наш адрес оказался тот самый мужик – именно он указал что, как и когда мы выносили из Дома культуры. И сдал поголовно всех: и нас, и Толика, и даже самого себя.

Конечно, мы оторопели! С дуба что-ли рухнул? Не тронулся ли часом? Зачем заявлять-то на самого себя? Но все оказалось проще. Мужик сдал металл на сумму гораздо большую чем тринадцать тысяч. В том числе и тот самый кузов легковушки, который оказался вполне пригодным. На радостях он подался в пьянство. И так допил, что по белой горячке ему привиделось, будто мы собрались идти с жалобой на него в полицию. И решил совершить стратегический маневр – заявить на нас первым.

Чем дальше шло дело, тем безумнее оно становилось!

Конечно, в полицейский участок немедленно был вызван директор Дома культуры. Весь день нас мурыжили вопросами. Полицейские крутили и так и сяк, но толком ничего выудить не могли. Мы стояли намертво: ничего не брали!

А мужик, сидевший тут же в участке никак не унимался: «Да, как не крали? Вот ты доски пилил, а ты – «улитку», ты трос привязывал. Но как ни пытались менты слепить дело, ничего у них не вышло. А под конец и вовсе выяснилось, что ни «улитка», ни противовесы не числились в документах. А нет документа – как известно – нет и предмета. И тут директор ДК смекнул что к чему и строго наказал участковому кончать балаган.

– Кто мне будет по праздникам на площади играть? – вдруг закричал он. – Ты что мне статистику портишь? Где я ансамбль новый найду?

Поведение директора объяснялось тем, что на дворе стояла разруха. А начальство из обл-центра требовало проводить культурную работу с населением. А какой бы мы ни были группой – но, все же были ею. И у директора в журнале работ числился хоть и один, но всё же – целый вокально-инструментальный ансамбль! Потому он и занял нашу сторону. На том дело и кончилось. Нас отпустили домой. А приставка работала долго. Лет пять, как минимум.

Парень, который был везде

В разное время было очень много разных людей в нашей тусовке. Все они были простыми и интересными. И был среди прочих один парень – к сожалению, не вспомню его имя...

Так вот. Был он с нами всегда и везде. Как-то незаметно приходил на репетиции, незаметно садился за стол. Сидел и что-то незаметно рисовал себе на листочке. И как будто его вовсе и не было в камере. Но как возникал у нас какой спор, он нет-нет да и вставлял свое слово. И тогда вдруг мы понимали, что все это время он находился с нами в одной комнате.

Или, к примеру, если затевали мы концерт. Все бегали, суеились. Мы настраивали аппаратуру, наши помощники – носились с пачками входных билетов. И только этот парень посиживал себе тихонько в кресле. Поясню, что наши знакомые могли проходить на выступления без ограничений. Потому некоторые приходили до начала концерта. Вот и он посиживал себе в пустом зале. Тихо и незаметно. Вообще все поведение было у него незаметным. И голос негромким, и жесты спокойными. Словно его и не было.

Прошло много лет. И как-то сидели мы с гитаристом нашей группы и, вдруг я вспомнил того парня.

– Слушай, а как его зовут? – пытал я согруппника.
– Не помню... – отвечал тот.
Так и не вспомнили.

Арман Баймуханов
повесть
«Долина цветов»

1. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

Он был слегка кудряв. Голубые глаза, потонув в глубине мысли, смотрели в никуда. Антон не видел, что рисовала зажатая в его руке шариковая ручка. Она просто выводила на поверхности парты непонятный рисунок, идея которого рождалась по ходу того, как школьник наносил штрихи.

– Новое предложение, с красной строки: «На купольных цепях крестов и на розовых монастырских стенах лохматился иней, бородатый, как плесень. На купольных цепях крестов...»

«Художник» открыл тетрадь. Он давно уже хотел начать писать книгу, идею которой вынашивал длительное время. Длительное от того, что всякий раз, при мысли о том, какой труд его ждал впереди, у в нем возникала неуверенность в себе, и желание сотворить нечто грандиозное и, необычное отступало назад. Поэтому Антон все время откладывал.

Но он мечтал. Он думал о сюжете, пытался его прочувствовать, представлял себе то, как держит в руках свою книгу с яркой, цветной обложкой. Почему у него было желание написать ее – Хухлачев не мог объяснить. Ему так просто хотелось, и это желание исходило из глубины души, из самого подсознания.

«Ю-ра вгля-дел-ся в ту сто-ро-ну и по-нял...» – слишком четко выговаривала учительница русского языка текст пробного диктанта.

Хухлачеву казалось, что он сейчас заснет. От лени, которая заполнила все щелочки школьного класса, в нем стояла такая тишина, что был слышен шорох ручек, выводивших на бумаге неровный прописной текст.

Перехватив подозрительный взгляд педагога, подросток уткнулся в тетрадь. Он как можно убедительнее сделал вид, будто внимательно пишет диктант. Чтобы это выглядело лучше, Антон старательно вывел на бумаге первое, что пришло ему на ум: «За селом, если пройти сотню метров по дороге, ведущей в город...»

Глава 1. Переезд

За селом, если пройти сотню метров по дороге, ведущей в город, есть небольшой холм. Один его край заканчивается отвесным обрывом, под которым течет бурная горная речка. Алик любил приходить сюда, когда ему становилось грустно или хотелось побыть в одиночестве. В это место почти никогда не приходили люди. И он мог долго сидеть и смотреть, как на другом берегу реки снуют туда-сюда по трассе машины.

Занималась весна. В этом году она была ранней. Всего лишь две недели прошло с того момента, как закончился февраль, а снега будто бы и не бывало – земля уже была сухой. Да и зима то была – одно название «зима»: все три месяца погода стояла теплой. И редко выпадавший снег, быстро превращаясь в слякоть, тут же таял.

Алик сидел, прислонясь спиной к большому валуну. Его лицо обдувал теплый, влажный, пахнувший весной ветер. Это был шестнадцатилетний парнишка, не по годам серьезный, с благородными чертами лица, которое часто выражало грусть. Его брови над красивым, ровным носом, были всегда слегка напряжены. А карие глаза, мысль в которых, казалось, парила где-то вне земли, окаймляли длинные, черные ресницы. Паренек уже около получаса сидел не шевелясь. На этот раз он не смотрел на проезжавшие, на той стороне, машины. Его взгляд был направлен туда, где сходилась с землей горизонт.

В тот момент он думал о том, что рабочие, нанятые теткой, уже, наверное, загрузили в грузовик скудный скарб, который должен был быть перевезен в соседний город, где и предстояло отныне жить Алику.

Своих родителей он не помнил. Тетка, с которой он прожил всю жизнь, рассказывала, что, когда он был маленьким, отец бросил мать с грудным ребенком. Спустя некоторое время мама скончалась от болезни. Кроме тетки родственников у Алика не было. И шестидесятилетняя женщина с советской закалкой, никогда не возражавшая «насчет выпить», взяла на воспитание племянника к себе.

Впрочем, выпить любили во всей деревне. В поселке, где люди, из-за безработицы, зарабатывали деньги на жизнь как могли, не было ни одного зажиточного человека. Местные собирали металл, чтобы позже, в городе, сдать его в пунктах приема. Работали на колхозных полях, где арендаторы рассчитывались только товаром: помидорами, огурцами, свеклой, картошкой. Многие из мужиков на лето уезжали работать в город. Там они чаще всего нанимались на стройку. Сразу на три месяца, в конце которых им платили зарплату.

Тетка Алика работала сторожем в магазине, который был один на весь поселок. Жили они с Аликом на её маленькую зарплату и сиротское пособие Алика. Пенсию Клавдия Петровна еще не получала – до пенсионного возраста ей оставалась несколько лет.

Тетка нередко ругалась на продажное, как она говорила, совсем не заботившееся о народе, правительство. Алик не понимал, почему она обзывает его «тупым» и почему с болью в сердце вспоминает Советский союз. «Вот, тогда жизнь была!» – то и дело вставляла Клавдия Петровна.

Паренек встал. Пора уже было идти к дому – унылому трехэтажному зданию с черными окнами-глазами. Он брел, слушая, как под подошвами шуршали камешки. Мимо дороги, ведущей в город, шипя шинами проносились автомобили. Каждое такое шипение Алик сравнивал с шуршанием камешков. «Ш-ш-ш...» – шипели машины. «Шхрык!» – дополняли подошвы Алика.

Возле дома рабочие уже заканчивали грузить мебель в кузов грузовика. Тетка прощалась с соседями. Алик же ни с кем не прощался. Еще вчера он сказал своим друзьям, что переезжает. И непременно обещал в будущем приехать в гости. Сейчас же видеть никого из друзей ему не хотелось – на душе и так «скребли кошки». Да и насчет своего будущего визита он очень

сильно сомневался. Почему-то ему совсем не хотелось возвращаться в эту унылую деревню. Пусть даже на один день.

Последний шкаф был погружен в кузов и «Зил» затрясся от пуска двигателя. Алик сел в кабину вслед за Клавдией Петровной. Машина, заскрипев передачей, тронулась с места, сердце Алика пронзила тонкая струйка грусти.

В пути он много раз оборачивался назад, глядя на то, как его поселок становилось все меньше и меньше. И вот впереди показался поворот, за которым, родное село должно было навсегда исчезнуть с глаз. На этот раз Алик голову поворачивать не стал – дорога сама вывернула так, что деревня оказалась перед взором. Через несколько секунд село навсегда исчезло с глаз подростка.

Глава 2. Город

Городок, куда переехал Алик, был небольшим. Здесь жили, примерно, около сорока тысяч человек. Но все равно, это было не захолустное село в пятьдесят дворов. И Алик это чувствовал – в городе была другая атмосфера. Здесь все было ново для него – здесь были другие люди, было много магазинов, кафе, парикмахерских.

По приезду, тетка весь день чистила новую квартиру, расстилала ковры, стелила постель. Алик сидел на подоконнике, и все время смотрел в окно, лишь изредка отрываясь от своего занятия, чтобы помочь тетке передвинуть с одного места на другое кресло, диван, тумбочку или что-то еще.

Клавдия Петровна все время, что наводила порядок, говорила, что теперь у Алика будет много новых друзей, что он пойдет в самую лучшую в городе школу, которая находилась совсем рядом с их домом.

В этот же день Алик первый раз в жизни побывал в парикмахерской. В их деревне, посещать парикмахерскую было неслыханной роскошью.

В салоне приятная девушка очень долго водила машинкой для стрижки волос по его голове, мягко поправляя ее, когда последняя наклонялась вбок. Честно говоря, Алик чуть не уснул – так ему было приятно то, что по его голове ходила туда-сюда машинка, невольно делая ему массаж.

Новая стрижка Алику очень шла. И ему показалось, что он стал красивее.

На следующий же день тетка устроилась на работу – в швейную фабрику, шить одежду. Клавдия Петровна не раз рассказывала племяннику, что при Союзе работала швеей. «Ох, и зарабатывали мы тогда. Не то, что сейчас – колбасы не на что купить» – говорила она.

На новом месте ее жалование было в десяток раз больше прежнего.

– Вот, поработаю я пару лет, а там и на пенсию будет пора. Будет у нас моя пенсия, плюс твое пособие. А работу я бросать не собираюсь. Мне еще работать и работать. Окончишь школу пойдешь в университет. Станешь умным, большим человеком, Алешечка! – сказала Алику на второй день, как устроилась на новую работу Клавдия Петровна.

К обеду следующего дня Алик почувствовал, что просидеть еще раз с утра до вечера на подоконнике ему будет невмоготу. Тетка была на работе. И он решил познакомиться поближе с окрестностями. Да и за одно, может быть, познакомиться с новыми друзьями.

Набросив куртку и кепку, он сбежал со второго этажа по лестнице, не забыв при этом ловко прокатиться по перилам. Во дворе, в песочнице, громко споря о чем-то, возилась детвора. На лавочке соседнего подъезда сидели несколько старушек, обсуждая последние дворовые сплетни.

Алик теперь жил в одном из самых обычных городских микрорайонов. Здесь было очень много припаркованных машин, на свалках мусора копались беспризорные собаки, лениво, о чем-то мысленно рассуждая, мел метлой асфальт дворник. Сделав по микрорайону пару кругов, Алик почувствовал еще большую скуку. За все время он не встретил ни одного сверстника. Вернувшись в свой двор, он обнаружил, что здесь ничего не изменилось: на лавочке продолжали судачить бабки, дворник дometал тротуары. Досадливо вздохнув, подросток направился в сторону своего подъезда.

Быть может Алику и пришлось бы остаток дня провести на подоконнике, если бы ему навстречу в этот момент из своего подъезда не вышла тетя Галя.

В этот день она как раз собралась разобраться с банками, в которых заготавливала на зиму соленья. Банок у нее скопилось целая уйма и чтобы хоть как-то освободить место в кладовой, тетя Галя решила их помыть.

Прошлой осенью Галина взяла несколько склянок у своей подружки. Взять-то взяла, а вернуть одолженное – позабыла. Теперь же сердобольная женщина корила себя и свою стареющую память за такую, как она любила выразиться, «некрасивую» оплошность.

Взяв в охапку, как можно больше банок, Галина торопливо направилась в соседний подъезд, к своей закадычной подружке – бабке Мацухе.

Навстречу тете Гале шел незнакомый подросток. Лицо его было серьезным и одновременно грустным. В глаза сразу же бросались длинные ресницы.

Засмотревшись на необычного паренька, тетя Галя совсем забыла глядеть под ноги, неожиданно споткнулась и... также неожиданно оказалась в объятьях Алика.

Конечно, если бы Алик не подхватил ее на руки, то она бы упала и неминуемо разбила бы банки, которые прижимала к груди и изранилась бы об скляночные осколки.

Тетя Галя по-настоящему была благодарна своему спасителю. И приказала ему сейчас же зайти к ней на чай с шоколадными конфетами и ее любимым печеньем, которое она испекла сама.

Алика, долго уговаривать не пришлось. Он помог тете Гале донести банки до места назначения и спустя некоторое время уже сидел за столом в квартире новой знакомой и отхлебывал ароматный, душистый чай, закусывая его вкусным тетей Галиным печеньем.

Галина рассказала, что живет с мужем – Аркадием или Кешой, как его все называли, и дочкой – Катей.

– Катенька сейчас у нас в летнем лагере. Все интереснее, чем блукать по микрорайону. А загорела-а-а-а! Мать моя женщина... Смугленькая стала, крепенькая, – показывая альбом с фотокарточками рассказывала она.

Алик не мог не обратить внимания на необычайно красивую, голубоглазую девочку. У нее были пышные, длинные волосы черного, словно смоль, цвета. В сердце подростка что-то кольнуло. Грудь сдавила непонятно откуда взявшаяся грусть. Пить чай ему тут же захотелось. Захотелось убежать домой, забиться куда-нибудь в угол... А еще больше он хотел бы, чтобы Катя сейчас сидела с ним рядом вот за этим столом...

– Тетя Галь, спасибо за чай, – задвигая табуретку под стол, сказал он. – Я уже напился...

– Как же, как же... – засуетилась Галина, – Что же ты так быстро?

У Алика все помутнело в глазах. Слова тети Гали доносились ему словно из глубокой, очень глубокой пещеры. Накинув свою курточку, которая висела на вешалке в прихожей, подросток выскочил за дверь и побежал к себе домой. До самого сна он только и думал, что о Кате.

Глава 3. «Бригадир»

Утром Алик проснулся от ругательств. Ругалась та самая бабка Мацуеха. Она жила в одном подъезде, на одной площадке с Аликом и Клавдией Петровной. Пожилые женщины легко сдружились и пили на кухне чай, когда за стеной раздалось непонятное, скрежежущее полувитье-полувизг.

– Ах, Борька, негодник! Опять свою эту шарманку с утра пораньше завел. Ну, я тебе сейчас задам расхиндряй ты этакий! – рассыпавшаяся в угрозах Мацуеха гневно направилась к двери.

– Борька! А ну открывай! Опять с утра пораньше ты свою чертовскую музыку играешь. Людям спать порядочным не даешь. У-у-х, отец из рейса приедет, я ему все расскажу. Задаст он тебе порки! – тарабанила в дверь сухими кулачками, кричала на весь подъезд Мацуеха.

Скрежетание за стенкой стихло.

В коридоре соседней квартиры послышались осторожные шаги. Смотровой глазок двери потемнел. Затем настала гробовая тишина.

Женщины продолжили чаепитие.

– Играют свой рог, – надкусывая кусок рафинаду, деловито пояснила Мацуеха, – и как слушать можно такую музыку? И трахают и бахают. На прошлой неделе вон Трофимыч весь извелся на нервы. Чуть insult не получил. Так ведь на нервы ой как давит-то нам пожилым, – приврала для краски Мацуеха. Заядлый рыбак дед Трофимыч с самого февраля укатил к себе на дачу, которая в аккурат находилась рядом с прудом. К слову сказать, на этот пруд съезжались рыбаки со всей округи.

Алику стало интересно глянуть на Борьку, играющего по утрам, как выразилась бабка Мацуеха, «рог».

Ждать долго не пришлось. После обеда Алик отправился на прогулку. Его голову все также занимали мысли о Кате.

На лестничной площадке он увидел парня лет семнадцати. Парень был высок, худощав. Вытянутое лицо на добрую половину прикрывали курчавые волосы. К губам прилипла медленно тлеющая сигарета.

– Здагова! – завидев Алика баритонисто прокортавил парень. – Новенький сосед?

– Да. Меня Алик зовут.

– А меня Бахадиг, – протянул новый знакомый ладонь Алику. – Очень Пгятно!

Тут у Бахадира затилинькал, тонкой мелодией из какого-то кинофильма, сотовый телефон.

– Ща. Секунду, – кивнув и потянув кверху палец сказал он Алику.

«Эй, Бригадир», – послышалось в динамике трубки, – «лети скорей на репу. Дело есть на мильон».

– Да, да иду уже, – отвечал тот, – Пойдешь со мной? – уже обращаясь Алику спросил он, – тебе интегесно будет. Пошли!

Алик мотнул головой в знак согласия, ему не хотелось гулять по микрорайону в одиночестве, как это было вчера.

Они шли быстро шагая. По дороге Бахадир рассказал, что Бригадир – это его новая кличка, которую пытается всем навязать парень из их рок-группы. Бригадир называл его Санчесом, видимо потому, что последнего звали Александром.

Алику стало интересно – у него никогда не было знакомых ребят, которые играли бы в рок-группе

Пройдя через парк, Алик с Бригадиром вошли в большое здание, которое по высоте было с три этажа. Они долго шли по коридорам. Затем спустились в темный сырой подвал. В коридоре подвала стоял грохот, от исходившей из одной из комнат тяжелой музыки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.